

Net

Валерий Печейкин

Пьеса

Саша Вайс, девушка, 20 лет

Сергей Иванов, мужчина, до 30 лет

Ольга Владимировна Обухова, женщина 50-лет

Mailer Daemon, системный администратор, около 25 лет

Геймеры, персонажи компьютерных игр,
а также Владимир Путин, Дима Билан и Петр Обухов.

Слева и справа над сценой висят два экрана. В центре, под колосниками – веб-камера.

Из глубины затемненной сцены звучат голоса.

САША ВАЙС. Я люблю тебя. Когда произношу твое имя, чувствую, как гудят кончики пальцев. Дима... Дима... Дима.

ИВАНОВ. Здравствуйте, уважаемый Владимир Владимирович! Я и еще несколько человек собрались написать вам письмо. То есть, это не только мое мнение, но и других. Не то, чтобы я не хочу за него отвечать, но прошу принять во внимание, что это не только я так думаю.

ОБУХОВА. Здравствуй, дорогой Петенька! Здравствуй, мой дорогой сынок! У нас все хорошо, все нормально. Папа и Юля работают, Саша учится, у дедушки тоже все хорошо. Да и я потихоньку. А как ты? Как у тебя? Как на работе?

САША ВАЙС. Как японский поэт ищет сливу среди снегов, так и я ищу повсюду твой образ, Дима...

ИВАНОВ. Мы считаем нужным укрепить южные рубежи нашей страны, защититься от набега новых кочевников, а не принимать в Кремле их послы. Отменить раздачу трудовых карт иммигрантов. Иначе мы вернемся к геополитической ситуации ордынского ига.

ОБУХОВА. Недавно папа болел, но потом выздоровел. Я тоже хворала пару недель, но все обошлось. Юля мучалась с зубной болью, но потом все поутихло. У дедушки снова прыгало давление.

САША ВАЙС. Мне кажется, не Красота сотворила тебя, а ты сотворил Красоту. И если скажешь вон той горе, сойди с места, она сойдет.

ИВАНОВ. По Руси, убивая, насилуя и терзая коренное население, рыщут новые баскаки – этнокриминальные группировки. Мы должны объединиться, чтобы противостоять Европе, которая в ответ на любые наши попытки быть самостоятельными, отнимает у нас выход к морям, закрывая его очередным санитарным кордоном.

ОБУХОВА. Дедушка попил сначала адельфа, но он долго не помогает, поэтому я

дала ему энапа, а потом добавила еще капотена, так что сейчас все стабилизировалось. Только у твоего брата Сашеньки все хорошо со здоровьем. Не болеет, паразит.

Голоса умолкают.

Прожектор освещает левую часть сцены, Сашу Вайс.

ВАЙС. Здравствуй, дорогой Дима! Тебе, наверное, покажется странным, что я пишу, не зная твоего точного адреса, но ведь когда-нибудь я найду его, и тогда ты получишь все письма сразу, словно они лежали в тайнике. Знаешь, я сейчас сижу очень голая – это так неприлично. По мне ползает муравей, но я его не трогаю. (Вздрагивает.) Ой, он меня укусил! И я его чуть не раздавила... Моя тетя, которая мне как мать, говорит, что все живое и все имеет душу.

Димочка, а хочешь, я тебе буду писать каждый день? Писать о том, что с тобой происходит: я каждый день читаю про тебя в Интернете. Ты, наверное, и не знаешь этого всего! Представь, ты приходишь с концерта, а в ящике мое письмо – правда, приятно?

Твоя Саша.

P. S. Меня зовут Саша, но я девочка, то есть не мальчик. Это многие могут подтвердить.

На экране появляется молодой человек.

МЧ. Пойдем со мной.

ВАЙС. Какой-то голос.

МЧ. Пойдем со мной.

Затемнение.

Загорается веб-камера.

Освещается центральная часть сцены, Николай Иванов.

ИВАНОВ. Здравствуйте, уважаемый Владимир Владимирович! Извините за предыдущее письмо. Я чувствовал себя немного нехорошо: с утра болела голова, а когда проснулся, во рту чувствовалась горечь, как после орехов. Вы можете подумать, что я отказываюсь написанного. Просто мне показалась неверной интонация. Думаю, именно по этой причине я не получил от вас ответа. Мне казалось, мысли о России сразу вас захватят, ведь они напрямую связаны с вашей деятельностью.

Бью себя по рукам, чтобы второе письмо не получилось слишком длинным.

Утомить собеседника – это самый страшный из грехов. С этой точки зрения величайшим искусством является умение играть на гитаре короткие пьесы. Так как гитара довольно распространенный инструмент, часто встречающийся в квартирах, это делает мою мысль не просто «вольной», но и практичной.

Возможно, я хочу показаться человеком чуть более практичным, чем являюсь на самом деле, но поверьте, я не инфантилен. И если у вас возникла такая мысль, то

гоните ее от себя. Все, заканчиваю. С уважением, Николай.

P. S. Владимир Владимирович, а как ваше здоровье? Не хвораете? Хорошо себя чувствуете? У меня, вот, часто болит сердце. Может быть, это аритмия?

Попробуйте положить руку на свое сердце и послушайте, как оно бьется? Тук-тук? А у меня: тук-ту-тук-тук... Может быть, мне сходить к кардиологу?

Затемнение.

Освещается правая часть сцены, Ольга Обухова.

ОБУХОВА. Здравствуй, дорогой Петенька! Почему ты давно не отвечаешь? Ответ. Мы волнуемся. (Пауза.) Ты просишь рассказать про нас, а что про нас особенно расскажешь? Недавно новое товарищество побелило нам подъезд. Побелило, но не покрасило, а женщины во дворе говорят: «Хорошо, что хоть побелили, а то сколько уже лет не белили». Вот и я думаю, что хорошо, а то ведь мы давно уж без побелки сидим. Почему в других товариществах все нормально, а у нас все через скандалы, а к паспортистке очередь, как евреи через Черное море: все идут и идут. Вот я и думаю, сколько же они не белили? Сколько лет? Думаю, лет двадцать точно. Тогда еще дядя Лёня-алкаш был жив. Он приходил тогда, когда мы с отцом и с тобой маленьким в бассейн поехали купаться, и возле нашей двери написал на свежей побелке: «Все. Союза больше нет. Смотрите балет». А мы потом вернулись вечером и понять ничего не могли. Вот с тех пор и не белили. А потом дядя Леня еще раз пришел и дописал: «Мы теперь СНГ. Продолжайте смотреть балет». Ох, что за человек был: вечно пьяный в дрыбадан! Сколько с ним жена намудохалась! Как вспомню, так страшно.

Присылай, Петенька, фотографии. Я в Москве давно была, что там понастроили – не знаю. Я тебе, оказывается, не ту фотографию послала: хотела, где мы возле мангала на даче, а послала фотографию обоев. Это я Сашеньку просила сфотографировать, чтобы взять на строительный ранок как образец. Мы ведь в кладовой ремонт затеяли.

У Юленьки все хорошо – она недавно ходила в кино, не помню, как называется – там что-то про продажу органов за границу. Вон они как живут: даже органы у них купить можно, а у нас ничего не купишь, даже картошки нормальной. Папа говорит, что тоже скоро начнет продавать свои органы на развес. У него на работе сейчас новый начальник и шерстит весь отдел, папа проходит поздно и сразу ложится спать, а утром убегает очень рано. Я ему купила витамины и ты себе купи. Дедуля как и раньше делает свои трубки и продает на рынке – у него их берут по сто пятьдесят за штуку, или три за четыреста. Сашенька хорошо учится, молодец, хотя он и не активный, как ты. Но я его не ругаю: другие мальчики в его возрасте курят, мне тетя Алла говорила, что ее сын в электросчетчик зажигалку и сигареты прячет, а я у нас поискала и не нашла: значит, не курит, думаю. От него и не пахнет никогда, Сашенька вообще аккуратный, всегда посуду за собой моет и в сушилке по размеру расставляет. Я его за это очень хвалю. У Сашеньки появился друг Володя, он из его же института, только с другого факультета. Он каждый вечер приходит и они с Сашей делают курсовую. Володя очень хороший мальчик и всегда со мной здороваются, он

подарил Сашеньке вязанную шапочку цветов радуги и еще они ходили в консерваторию. Но я думаю, что это лучше, чем наркотики. Петенька, я тебя прошу, никогда не употребляй наркотики! Это такой вред здоровью, а еще так дорого! Я и Сашеньку прошу, я рада, что у него такие друзья – не наркоманы. Уж лучше они пусть в компьютерные игры играют. Володя принес игру, где надо искать золото и убивать индейцев, мне показывал. Но мне с убийствами, с жестокостями не нравится – мне нравится про ферму, там нужно сажать растения и поливать. Но пусть играют, хоть дома сидят, а не по дискотекам.

На экране появляется младший сын Саша и его друг Володя. Они целуются.

Затемнение.

Освещается левая часть сцены, Саша Вайс.

ВАЙС. Здравствуй, дорогой Дима! Знаешь, если бы я была диафрагмой, то, раскрывшись, не сжалась бы – я так бы и застыла, глядя на твою красоту... Скажи мне, какую муку терпят зеркала, когда вынуждены отдавать тебе твоё отражение. Ах, если бы я была зеркалом, я бы погасла, прижав твой облик к своей груди из амальгамы...

Представляешь, за сегодняшний день я съела одну только маленькую шоколадку, попила чай без сахара. А все потому, что я слежу за своей фигурой. Мне кажется, ты тоже. Ты ведь такой красивый! Раньше я не придавала значения мужской красоте. Конечно, мои парни не были уродами. Но Витя! – мой первый молодой человек – он был немного пухленький, все время говорил про экономику и показывал мне какие-то журналы. Он был очень хороший, но я все ждала, когда он меня поцелует, а он не целовал. Мне кажется, ты, Дима, намного смелее. Я хочу, чтобы ты поцеловал меня на первом же свидании!

Ах, что я сказала! Моя тетя – она мне буквально как мать – говорит, что этого нельзя делать так быстро. Но разве это плохо? Как ты думаешь?

Твоя Саша.

На экране появляется молодой человек.

МЧ. Как ты хочешь? С девушкой, с парнем, с парой М + Ж?

ВАЙС (обернувшись). Что?

МЧ. Хочешь потрогать? (Ощупывает себя.)

ВАЙС. Кто вы?

МЧ (облизывает губы). Не хочешь?

ВАЙС. Не хочу.

МЧ. Как знаешь.

Затемнение.

Загорается веб-камера, она увеличилась.

Освещается центральная часть сцены, Николай Иванов.

ИВАНОВ. Здравствуйте, Владимир Владимирович! Наверное, вам покажется

странным, что я, не дождавшись ответа, снова пишу вам. Но я думаю, вы просто не нашли времени мне ответить, ведь Япония снова говорит глупости о наших Курильских островах. Ох, я бы им показал на вашем месте!

Несмотря свою резкость и нервность, я остаюсь человеком очень мягким.

Почему-то кажется, что вам как раз недостает общения с такими людьми. А вы ведь тоже человек. Ведь у вас и запах свой есть и мелкие трещины на пальцах.

Простите, что я говорю о таких, возможно, интимных вещах, но потому я и не пишу в администрацию, где все это будет перлюстрироваться, а вам лично.

Расскажите, пожалуйста, что вам нравится, что любите. Мне бы хотелось чего-то для меня лично, сказанного от человека и для человека. Как говорил Бетховен, что от сердца исходит, к сердцу должно привести. Я когда-то прочел эту надпись на CD-диске и с тех пор запомнил.

Если у вас что-то болит, например, левое колено: можете мне рассказать. В этом нет ничего плохого. У меня оно тоже болит. Вам, наверное, будет приятно узнать, какими я средствами пользуюсь. Увы, из-за плохого здоровья я не могу работать. Но к счастью, у меня есть жилплощадь, которую я сдаю двум азербайджанцам.

Это братья, они оба огромные и у них волосатая грудь. То есть, волосатые груди, а то вы могли бы подумать, что это какие-нибудь сиамские близнецы, которым я сдаю квартиру, что у них одно тело и две головы, что им постоянно хочется умереть. Но это не так. Вы так не думайте. И почему у вас такие мысли? Всего вам доброго.

Ваш Николай.

Затемнение.

Освещается правая часть сцены, Ольга Обухова.

ОБУХОВА. Здравствуй, дорогой Петенька, наш сынок! Давно от тебя нет писем. Как у тебя? Как на работе? Не болеешь? Если болеешь, то не болей. (Пауза.) Как это интересно, как мы рады, что ты работаешь в таком агентстве, среди таких людей: я уже всем соседкам растрондела. Я теперь соседок, если вижу, когда встречаю, так и говорю, что Спиваков хороший человек, а Харатьян вредный, а Макаревич вообще говно. Что Собчак – мандолина невоспитанная, я и так знала. Как же это хорошо, что у тебя такая жизнь: хоть кто-то из нас выбился в люди. Я, конечно, не ругаю Юлю и Сашу, но у них пока нет таких стремлений, чтобы как брат. Саша все на тебя надеется, что ты его вытянешь, а я говорю, ты сам, Саша, должен. Брат это брат, а ты это ты. (Пауза.) А что у нас, у нас не так интересно. Под окном кошки-шарамыжки, да дедушка в райсобес мотается. Недавно ели арбуз. Папа притартанил, сунул под воду, потом ели все вместе и папа сказал: «Ну все, теперь в туалет будет очередь. Буду билеты продавать». Но, правда, арбуз был еще зеленый и селитрой пах. Но ты ж их знаешь тех, кто на рынке – армяшек или узбеков: «Да, да, брат, хороший, хороший. Берите, берите». А потом днем с огнем не сыщешь. Вот так. Потом Саша полное ведро корок относил, а как пришел, так в туалет. А потом я в туалет побежала. А потом папа. А потом Юля. А деда с нами не ел: он спал. Потом проснулся и говорит: «Где арбуз?». А арбуза уже нет. Тогда он стал смотреть свой сериал. Там все про войну грохочет и тоже Харатьян. А я

смотрю и думаю: «Ух, ты вредный!». Дедушке очень нравится. Только ему все хочется погромче сделать, а мы пульт от телевизора прячем, чтобы не оглохнуть. Еще он вечно сморкается, а сопли с раковины не смоеет. Говори, ни говори: как об стенку горохом. Папа говорит: дедушка положил на тебя китайский термос. Мне тут и поговорить не с кем, кроме Сашеньки. Юля вечно в кино или в театре, или у нее настроение плохое. Как говорит дедушка, «кисляк замочила». Я с Сашей разговариваю или тебе пишу. Вчера вечером, когда Саши не было дома (он с Володей пошел куда-то), я зашла к нему в комнату, а у него компьютер включен. Там на экране была игра, но не моя, про ферму и не про золото. Там какие-то монстры ходили в доспехах, я мышку подвинула, когда пыль вытирала, а монстр как на меня бросится. Я испугалась и аж из комнаты выбежала. Вот такие вот дела.

Твоя мама.

На экране младший сын Саша и его друг Володя: они лежат в постели, совершенно голые и показывают друг другу свои гениталии.

Затемнение.

Освещается левая часть сцены, Саша Вайс.

ВАЙС. Здравствуй, Дима! Возможно, ты будешь смеяться, но до Вити я была влюблена в молоденького парикмахера. Этот мальчик, Саша, он работал в мужском отделе, но однажды он подстриг меня и я просто сошла с ума. Это такие руки, это такая нежность.

Когда он ушел, парикмахерши стали шептаться и говорить, что он любит мальчиков. Но так у нас говорят про всех красивых парней. И, знаешь, про тебя тоже. На одном форуме в Интернете я прочла эту мерзость. Так я им всем написала, что они дураки, что они кроме этих гадостей ничего писать не могут. Потому что гомосексуализм, как и биойогурт, – это выдумка телевидения, так как мужчине мужчину любить совершенно некуда. То есть... я хочу сказать, не за чем. Мужчины и так любят друг друга: вечно собираются и сплетничают про нас, женщин.

А Саша... он исчез потом куда-то. Наверное, услышал все эти сплетни и решил уйти... А я так и не успела сказать, что он мне нравится... Но я больше не буду робкой.

Я люблю тебя, Дима.

Да, я сказала это. Моя тетя, которая буквально меня воспитала, так как своих детей у нее нет, она бы меня поругала за это. А если ты откажешь? А если ты не любишь?

Но я верю – ты не такой.

Твоя Саша.

На экране появляется молодой человек, в руках его приспособления для секса.

МЧ. Привет! Дилдо? strapon? лубрикант?

ВАЙС. Кто вы? Пожалуйста, не мешайте.

МЧ. Хочешь познакомиться со мной поближе?

ВАЙС. Нет.

Затемнение.

Загорается веб-камера, она увеличилась.

Освещается центральная часть сцены, Николай Иванов.

ИВАНОВ. Здравствуйте, Владимир Владимирович! Как же я был рад, когда увидел ваш знак с экрана. То небольшое послание, которое вы передали. Этот взгляд – глубокий, пронизывающий – был обращен явно ко мне. И еще когда к вам подошел один из лидеров, кажется, Сергей Миронов, и наклонился, я увидел, прочел по губам, вы сказали: «Передай Николаю, что...» Дальше сменился кадр и ничего нельзя было понять, но я знаю, что вы говорили обо мне. Жаль, что Миронов до сих пор не нашел времени, чтобы передать ваши слова. Видимо, у него много дел, но все-таки нехорошо забывать о поручениях. Пожалуйста, не думайте, что я хочу его наказать своей жалобой, но я произношу это как бы в порядке размышления. Всего вам доброго. Ваш Николай.

P.S. Владимир Владимирович, я хотел вам пожаловаться на свой желудок: он стал совсем некудышним, а сильные препараты я принимать боюсь. Пью, в лучшем случае, активированный уголь. Каждое утро я, признаюсь, разглядываю свои экскременты и мочу, каждое утро капаю в нее йодом, чтобы не запустить гепатит. Сегодня мне совсем не понравился мой кал: он был жидкий и кашеобразный. А какой у вас кал? А моча? Я советую и вам капнуть в нее йодом: если есть гепатит, то появится кольцо зеленого цвета. Если не хотите сами, то сходите на забор мочи – там вам все сделают.

Затемнение.

Освещается правая часть сцены, Ольга Обухова.

ОБУХОВА. Здравствуй, дорогой Петя! Что-то давненько от тебя нет известий... Как ты? Не болеешь? Как работа? Вот Юля тоже работает. Теперь только на новом вместе. Старая ее фирма закрылась, так как начальница уехала в Белорусь. Уехала и не выплатила зарплату! Разве так можно делать? Да у меня бы руки отсохли, я бы не смогла и чужой копейки взять. Вот Юля и проработала весь месяц напрасно. (Пауза.) У нас почему-то в последнее время из крана идет очень хлорная вода: белая как молоко, так что нужно потом отстаивать. Говорят, была кишечная палочка. У нас даже на подъезде повесили какое-то объявление, но я была без очков, поэтому не прочла. (Пауза.) Недавно умерла баба Люся. Помнишь ее? Наша соседка с первого этажа, все на скамейке возле подъезда сидела и домофон ковыряла. Старая такая, еврейка. Кстати, Роза Александровна недавно уехала в Германию. Ты представляешь? Я с ней пятнадцать лет в школе отработала. Я и она: бок о бок. Я по хозяйственной части, она Пушкина преподавала. Теперь у нее квартира в Бонне. Она даже фотографию присылала, как она на балконе, толстожопая, стоит. В молодости со всеми мужиками чебурахалась, как швейная машинка. А теперь в Германию уперлась: она, муж,

Надя, больной Витя. Надя год не доучилась в Востоковедении. Да зачем ей теперь Востоковедение? Она теперь в Бонне. Уехали они потому, что у Розы Александровны родители были евреи. Я знаю, ее мама и папа всю жизнь жили в Бухаре. Мама была бухгалтером на ткацкой фабрике, взятки брала, а папа был снабженец. Еще у них была домработница. Розочка всегда каталась, как сыр в масле. Всегда у нее были лучшие платья в классе, банты, польские танкетки. Мама с фабрики выносила хорошую ткань, а потом в ателье Розочке шили платья родственницы и мамыны знакомые. В этих ателье тоже ведь одни евреи сидели. Ателье, фотостудии, ювелиры – евреи держали. Они же на заводе переломятся работать! А теперь Роза Александровна в Бонне, потому что она написала, что ее родители жертвы холокоста, а значит она, Роза Александровна, тоже жертва. Да какая она жертва? Морда – во! Жопы – во! Это я жертва, это мы, русские, жертвы! Это нам должны давать! А что нам дали?! А ничего нам не дали! А Роза Александровна – жертва! Да знаю я эту жертву! Ни одного нормального урока не дала, все с ребят то мыльце, то шампунь, то банку кофе вытягивала, пока ее на педсовете не расчихвостили. А еще литературу преподавала! А сама высокомерная такая: на сранной козе не подъедешь. Все ходила, нудела: «Ах, Солженицын, Солженицын». Еще бы жид жида не хвалил. А я прочла и ничего особенного. Они теперь за счет своего дебильного Витеньки получают огромное пособие. Там европейцы оказывается очень дебильных любят. За счет одного придурка вся семья жить будет. Вот так вот теперь в Европе. Жаль, конечно, Петенька, что ни ты, ни Юля, ни Сашенька не придурочные, но теперь уж ничего не поделаешь. Вот тебе и Европа.

Я говорю, Сашенька, ты вот в одни игры играешь, а надо жизнь устраивать, надо как-то вертеться. Игры это хорошо, но до поры до времени, на Западе дети со школы работают, их в пятнадцать лет уже из дома выгоняют, чтобы они на хлеб себе зарабатывали, поэтому так и живут. Вон твой друг Володя уже по студенческому обмену в Америку ездил, какие у него шорты американские, он оттуда родителям тонометр привез. А Сашенька на меня закричал, представляешь, чтобы я ему не говорила про Володю. Они, оказывается, поссорились, потому что Володя потерял его курсовую работу. Сашенька теперь дружит с Антоном: он мне не так нравится, как Володя, у него волосы крашенные. Но он тоже мальчик хороший, уже сам работает, правда, официантом в ресторане. Это, конечно, не профессия, но я думаю, что это тоже хорошо. Мне соседки сказали, что они хорошо зарабатывают и с кухни могут воровать. Так что официант – это тоже хорошо. Вон у папы на работе такие сокращения! Из его отдела только двоих уволили, но еще, говорят, будут сокращения. Вот и сидим, поджав попу. Я вот и говорю Саше, пусть тебя Антон, в случае чего, хотя бы официантом устроит. Тоже дело.

На экране появляется младший сын Саша и его новый друг – Антон. Оба лежат в кровати; Саша стоит на четвереньках, он аккуратно открывает у себя под животом пакетик с лубрикантом. Антон мастурбирует и надевает на эрегированный член презерватив. Саша смазывает анальное отверстие лубрикантом.

Затемнение.

Освещается левая часть сцены, Саша Вайс.

ВАЙС. Здравствуй, Дима! Мне вдруг с ясно, что имеет в виду Вуди Аллен, когда говорит, что жизнь бессмысленна, а любовь не вечна. А ведь любовь – это оружие, с которым идешь на встречу минотавру. Меня просто не хватит на столь долгий путь, если ты не возьмешь меня за руку... Может быть, я не такая, какой должна быть современная девушка. Может быть. Но я не могу быть другой: да, я люблю конфеты и вообще сладкое. Да, я полненькая и, наверное, не очень симпатичная. Но ведь это ничего не значит? Правда?.. Дима?.. Меня фактически воспитала тетя, так как родители – ученые и всегда были заняты. Так вот, тетя всегда говорила мне, что главное в любви – взаимопонимание, а не секс, что главное в человеке – душа, а не тело.

На экране появляется молодой человек.

МЧ. Римминг? бондаж? связывание?

ВАЙС. Нет, спасибо!

Затемнение.

Загорается веб-камера, она увеличилась.

Освещается центральная часть сцены, Николай Иванов.

ИВАНОВ. Владимир Владимирович! У меня по комнате летает муха! И мне ужасно плохо из-за этого! Может быть, она летает, потому что я скоро умру? Но ведь известно, что в таких случаях прилетает ворон. Что же значит муха? Может быть, это предвестница какой-нибудь болезни. Сегодня утром, проснувшись, я обнаружил в уголках своих глаз – гной. Такого раньше не было. Я его аккуратно собрал в бумажку, когда он высох. Я тут же решил отнести его к врачу, чтобы он проверил его и меня как источник.

Простите, что говорю об этом, но мне нужно кому-то сказать. Хорошо, поговорим о другом. Я слышал, что вы зарезервировали до девяти триллионов рублей на поддержку банков. Как же это хорошо, что вы помогаете людям. Чтобы работать в банке, нужно быть другим, хорошим, человеком, не таким, как я. Признаюсь, у меня в банке лежит маленький счетик и, когда я прихожу о нем узнать, то специально задерживаюсь, чтобы посмотреть на вкладчиков, на их красивые лица. Иногда мне хочется соскоблить такое лицо и посмотреть, из чего оно сделано. Но для этого нужны силы и предварительная подготовка, а у меня ее нет. Но хорошо, что у меня есть немного денег и я могу подлечиться. Если бы не мои азербайджанцы, то я бы, наверное, умер как моя мама. Она жила в той квартире, когда была жива. Ее смерть была для меня большой утратой. Я был с ней до последней минуты, пока она не начала превращаться в хомяка. (Пауза.) Пожалуйста, когда появится время, чиркните мне пару слов, чтобы я знал, что вам интересно читать. Может быть, вам интересно про муху. Коля.

Затемнение. Освещается правая часть сцены, Ольга Обухова.

ОБУХОВА. Ох, какие у нас, Петя, соседи! Какие соседи у нас, Петя! Наташка с пятого этажа, у которой еще сынишка придурковатый, она, говорят, теперь с каким-то молодым любовником живет. А я на него как взглянула, так прямо и заплакала: он мальчик еще совсем, такой худенький, такой тощенький, совсем на тебя, Петя, похож, но только осетин. Да как же он такую тушу на себе выдерживает? Да эта Наташка же старая, даром что нарумянится – все обвислое, вся морщинистая. Да не уж то он с ней из-за квартиры живет? Вот сижу и думаю, так оно или нет. И узнать негде, и не скажет никто. Не спрашивать же? Или спросить? Как ты думаешь? (Пауза.) Еще отец вечером приходит, а я говорю, вот Наташка с осетином живет, а мы с ними воюем, нехорошо это так. Отец мне говорит, что оказывается с Грузией, а Саакашвили ел свой галстук, а бабушка твой в молодости ремень варил и ел, потому что война была и голод: живот к кишмишинку сжимался. А Саакашвили придурок – я всегда говорила, что придурок. А отец говорит: «Долбан». (Пауза.) Недавно встретила тетю Машу Бобровскую. Она жалуется, что им неделю назад, когда было холодно, отключили отопление. Говорит: «Да что же эти сволочи из Теплоэнерго издеваются, что ли? Прошлой зимой на две недели раньше отопление отключили, деньги сэкономили, чтобы себе премии выписать, а теперь посреди зимы!» А в Москве есть такое безобразия или Лужков быстро надает? Деда говорит, что он московским пенсионерам по пятьсот рублей набрасывает, а деда каждый рубль на курицу бережет. (Пауза.) А как ты? А как твоё здоровье? Не болеешь? А то у нас в соседнем подъезде один мужчина утром заболел, а вечером уже умер. Вот так. Бабушка тоже простыл – вон лежит, носом ширкает. Господи, Петя, как мы за тебя волнуемся. Вдруг ты тоже заболел и тебе плохо, а ты не отвечаешь – что нам еще думать? Не забудь набить зимнюю обувь газетами, как я говорила, а то совсем превратятся в говнодавы.

На экране появляется младший сын Саша и его друг Антон. Оба лежат в постели.

Антон широко раздвинул ноги, Саша вылизывает его анальное отверстие.

Затемнение.

Освещается левая часть сцены, Саша Вайс.

ВАЙС (торопливо продолжает). Здравствуй, Дима! Ты мне не отвечаешь, от этого мне так грустно... Я недавно увидела в Интернете твою фотосессию. Нет, я не верю, что это ты! Это было так вульгарно и в то же время так возбуждающе! Моя тетя говорит, что для мужчины это вообще невозможно – раздеваться. Я не знаю, как к этому относиться. Чувство такое, что когда я смотрела интересное кино, кто-то сел сзади и выстрелил мне в затылок. Вот, что произошло. В детстве в таких случаях я начинала задыхаться и теряла сознание. Сейчас же я вся – сознание, которое не может себя потерять. Дима, я прошу тебя – не раздевайся больше. Ты можешь снять майку, хорошо. Но, пожалуйста, не оттягивай резинку трусов. На фотографии твой член уже почти видно, то место, где растут волосы... Но они так выглядят, как будто ты побрился недавно. Дима, ты бреешься... там?

Саша.

На экране появляется молодой человек.

МЧ. Фистинг? Автофелляция? Кунилингус?

ВАЙС. Нет! Нет! Нет!

Затемнение.

Загорается веб-камера, она увеличилась.

Освещается центральная часть сцены, Николай Иванов.

ИВАНОВ (оглядывается). Володя, кто-то играет с моим мозгом. Кто-то вертит его на пальчике. Я думаю, что это сатана. Пожалуйста, скажи ему, чтобы он прекратил. Это очень неприятно. Особенно в ситуациях, когда ты не один. Судьба подарила мне встречу с Ксенией Собчак. Однажды я был в месте, где была Ксения и я находился неподалеку и мог ее видеть гр небольшом расстоянии. И вот, находясь рядом, я думал не о том, что она говорит, а о том, что купил тапочки за триста рублей, а они завоняли. Когда я был в гостях у соседей, то сбрызнул их обувным дезодорантом, так как мне было очень стыдно вони. Соседи постоянно шутили про тапочки, но, думаю, они просто хотели сказать про вонь. И вот, стоя рядом с Собчак, я думал о таком, извините, говне. И так мне от этого стало плохо, что я упустил такой шанс, то долго потом ненавидел свой мозг. Наверное, он гниет. Я прошу тебя выписать мне направление в больницу на обследование. Еще я часто засыпаю. Могу сидеть рядом с интересным человеком, но слушаю его одну минуту, а потом внимание распадается и я проваливаюсь в себя. Так я обидел многих людей. Чем интереснее человек, тем быстрее я засыпаю. Зато телевизор я могу смотреть долго. А когда засну, то не хочу просыпаться. У меня яркие сны, Володя. Недавно увидел залитую солнцем улицу, по которой шла красивая молодая девушка. Она была в наушниках, слушала музыку. В нагрудном кармашке ее блузки ай-под. Он цветет, Володя. Его цветы большие и крупные, и красные.

Короткое затемнение.

ИВАНОВ. Постскрипtum. В этом письме я допустил две ошибки: рассказывая о встрече с Ксенией Собчак, написал «мог ее видеть гр небольшом расстоянии». Правильно читать «на небольшом расстоянии». Просто буквы «г», «р» и «н», «а» рядом на клавиатуре. То есть, я сейчас мог бы написать случайно «гр клавиатуре».

Короткое затемнение.

ИВАНОВ. А как же вторая ошибка? Еще я забыл подписаться в конце письма. То есть, могло создаться впечатление, что это кто-то другой пишет, а не я. А это я.

Затемнение.

Освещается правая часть сцены, Ольга Обухова.

ОБУХОВА. Здравствуй, Петенька! Как ты? Как твои дела? А слышали ли ты, что вчера в новостях показывали? Где-то в Европе был теракт: взорвали поезд и все итальянцы погибли. Папа сказал: «Это потому что там много черножопых развелось». И я также думаю. Вон во Франции негры им машины взрывают, а французы им спасибо говорят. Мы бы им тут быстро надавали по кудрям. Много их тут тоже развелось: всяких чеченов, армяшек – как тараканов. И так продыху нет от русских сволочей, а еще эти понаперлись. А папа говорит, что из-за кризиса будет война. (Пауза.) Мы никогда хорошо не жили: уже лет сто в кризисе, так что все равно, как подыхать: всё маслом вниз ляжем. Ничего мы за свою жизнь не надыбали. А что там с долларом, Петя? Мы от Москвы далеко и не понимаем. Что там? Говорят, штурмуют обменники? Мне папа говорил, они там лотки специально клеим мажут, чтобы деньги прилипали. Ты, Петя, пересчитывай, если меняешь, а то потом ничего не докажешь. Деда купил сто долларов, говорит, что теперь разбогатеет, а Юле на работе сказали, что введут «амеро», а Обаму черножопого убьют, потому что он страну развалит, как Ельцин нашу. Ну и хорошо, что американцы все сдохнут, чтобы они все попередохли прикурки. Фильмы у них какие: разврат и убийства. А чтобы человека вырастить, сколько нужно труда и заботы? Сколько я вас троих вынашивала-растила? Как теперь на внуков посмотреть хочется. Все я, Петенька, честно говоря, надеюсь, что кто-нибудь из вас – ты, Юленька или Саша – женитесь и заведете детей. Иногда ночью сердце так прихватит, тампонада: дык-дык-дык, что лежу и думаю, а вот сейчас умру и все. Или ты хотя бы в отпуск приезжай, я хоть на тебя посмотрю. Брось свое агентство и Лолиту: соседки говорят, что она курва. (Пауза.) У Юленьки тоже все потихоньку хорошо. Недавно она познакомилась с одним молодым человеком. Вернее, ее познакомили. Ты ведь помнишь тетю Клаву из соседнего подъезда, так вот она остановила нас с Юленькой на улице, когда мы шли на рынок и говорит, вот, мол, есть один молодой человек, зовут Артем, тридцать один год, трехкомнатная квартира, метр восемьдесят ростом, работает в фирме. Юля сначала отказывалась, но потом все-таки дала телефон. Они созвонились, познакомились, а потом и встретились. Юля говорит, что он не симпатичный, с залысинами, но зато высокий и широкоплечий, дальний родственник Симонова и просто интересный человек, легко ее заболтал, а ведь ты знаешь, как трудно молодым людям с нашей Юлей, но у него это как-то получилось. Он ей теперь каждый вечер звонит и они разговаривают. Я списала его номер с определителя тайком от Юли, а Саша поискал его по телефонному справочнику на компьютере, чтобы узнать адрес. Теперь знаю, где он живет. И вот недавно намылилась я в поликлинику и по дороге случайно заметила дом Артема. Оказывается он стоит прямо возле дороги. Я свернула немного и отыскала балкон его квартиры. Он говорил, что сейчас занят ремонтом. Я посмотрела, там действительно в 22 квартире сделан очень приличный ремонт: пластиковые рамы, площадка под окном забетонирована, все чин-чинарем, а вот 21 квартира очень зачуханная: там стекло на балконе треснутое, скотчем

заклеено. А по справочнику он живет в 21 квартире. Вот я и не пойму, где он делает ремонт. Разумеется, это не важно, но все же 22 квартира намного лучше, хотя здесь исключительно Юлин выбор. Но у Артема есть один положительный плюс: мама его мамы, то есть бабушка – еврейка, то есть была еврейка, а потом умерла и в ее квартире теперь живет сам Артем. Так вот, у евреев ведь родственная линия идет по матери, а значит, бабушка может передать свою национальность Артеминой маме, а она своему сыну. И если они с Юленькой поженятся, то смогут уехать в Израиль или Германию, как жертвы холокоста, как Роза Александровна, с которой мы пятнадцать лет проработали бок о бок в школе.

На экране появляется младший сын Саша и его друг Антон. Оба лежат в постели. Саша в костюме офицера СС, Антон в костюме розовой свиньи. Оба мастурбируют.

Затемнение.

Освещается левая часть сцены, Саша Вайс.

ВАЙС. Здравствуй, дорогой Дима! Извини, что пишу только о своих чувствах, но все остальное не важно. Ныне я как решето, куда ничего не положишь. Солнце светит сквозь меня и тень не ложится на асфальт. И все, что я взяла у Кьеркегора, прошло навывлет, как пуля. (Громко, с отчаянием.) Но разве может Кьеркегор меня трахнуть? Прости, Дима, что я пишу такие гадости, но может быть, ты подумал, что я хочу только переписываться и «виртуальить». Нет, я хочу тебя всего, потому что я вся – твоя. Дима, Димочка, приходи прямо сегодня, когда никого не будет. Я даже познакомлю тебя со своей тетей, которая мне как мать. Она сегодня в половине шестого придет за закваской. Ты можешь придти на пятнадцать минут раньше, чтобы мы успели хотя бы познакомиться. Хотя, я чувствую, что знала тебя всю жизнь до этого!

Умоляю, ответь! Умоляю, приди!

Саша.

На экране появляется молодой человек.

МЧ. Большая грудь? Негритянки? Большой член?

ВАЙС. Нет!

МЧ. Лесбиянки? Азиатки? Геи?

ВАЙС. Нет!

МЧ. Большая грудь? Негритянки? Большой член? Лесбиянки? Азиатки? Геи? Хардкор? Любительское? Сперма? Беременные?

Саша не отвечает.

Затемнение.

Загорается веб-камера, она увеличилась.

Освещается центральная часть сцены, Николай Иванов.

ИВАНОВ. Я погибаю, Володя... Совсем нет сил справиться с мозгом и постоянными истериками. Я даже не забираю у азербайджанцев деньги, хотя они мне уже вторую неделю должны. Боюсь, что когда я позвоню, в квартиру, они откроют дверь и ударят меня ножом в грудь, или действительно окажутся сиамскими близнецами или склонят меня к одновременному мужеложству. (Пауза.) Сейчас период спокойствия и я могу вам написать, а в остальное время – я комок истерики. Не мог бы ты прислать мне те белые таблетки, что у тебя во втором ящике. А что это за пятна крови у тебя на рукавах, Вовочка? (Пауза.) Из ада взываю к тебе, милый мой Володя! Из бездны крик мой! Дергается глазик мой, Володя! Глаза мои размякли от слез и руки ослабли держать свечу... Ничто не озаряет путь мой. В бездну и мрак идет твой маленький Николай... Кто-то избивает меня внутри, а ты ему ничего не говоришь. Но я тебя все равно люблю и не ругаю. Я прощаю тебя, Володя! Но неужели за все время, что я тебе пишу, не возникло мысли мне ответить, спросить, где же этот несчастный Николай, как он выглядит. Может быть, он без ног и ему совсем плохо. Ты ничего мне не ответили и тебе за это отвечать. Сначала я думал, это потому, что в одном письме, я набрал «Вы» с маленькой буквы. А потом понял, что дело не в этом. (Пауза.) Желаю тебе здоровья. Твой почти уже мертвый Николай.

Затемнение.

Освещается правая часть сцены, Ольга Обухова.

ОБУХОВА (громко). Здравствуй, Петенька! Как ты? Я очень и очень волнуюсь, испереживалась вся! Ты не болеешь? Ответь, хоть эс-эм-эс сообщение скинь мне на телефон, хоть я и не умею читать, но попрошу соседку. Я хотела рассказать тебе о Саше. Недавно он привел домой какого-то товарища, пошли они в комнату, я думала, будут заниматься своими электронными схемами или читать какие-нибудь справочники, а потом слышу, что в комнате тишина и ни звука. Мне нужно было полить мои цветы, которые стоят в Сашенькиной комнате, так как там солнечная сторона и цветы лучше растут. И вот я захожу, а Сашенька целует своего товарища. Я прямо вся выбежала. Потом вернулась, думала, что не разглядела – слепондыря ведь, по минус пять на каждом глазе. Нет, целовались. Да и товарищ какой-то странный, несимпатичный, в каких-то серьгах и наколках, видно, что нашему Саше не ровня. А потом Саша заходит ко мне на кухню и говорит: «Да что ты, мама. Это ведь нормально. Я давно хотел тебе сказать». Я ему говорю: «Ничего себе нормально! В наше время это было ненормально! Я вот скажу отцу, он тебе объяснит, где нормально, где ненормально! И зачем тебе это, Сашенька, надо? Ты думаешь, это такое счастье – с мужчинами жить? Думаешь, легко с твоим отцом жить? Если бы не любовь, прибила бы его давно! И что это за бутылочки у тебя в столе?» А он говорит, чего ты копалась, ты свернула крышки моему попперсу! Это для расширения, прости Господи, анального отверстия. «И зачем ты Сашенька, это домой припер! Я-то думала, Сашенька, что это духи. А если бы у нас отверстия расширились?! Я-то думаю, что у меня после них давление поднялось: бегаю по дому красная, а еще соседка пришла – всегда

такая спокойная, в церкви поет, а тут и она кричит. Мы поругались даже, когда она мои скатерти стала хаить. Ты зачем такие вещи домой принес? Это, наверное, наркотики. А если бы дедушка понюхал? Он же пожилой, у него давление и подозрение на глаукому – ему нельзя. Сынок, я ведь за тебя волнуюсь: любви кого хочешь, но ведь это опасно для здоровья. А если СПИД? А если нас заразишь? Нехорошо будет дедушке, пожилому человеку, умереть от СПИДа? Пусть уж лучше от диабета своего загнется». Вот и не знаю теперь, что делать. Папе я ничего не говорю, потому что он убьет Сашеньку, не перенесет такого позора. А как ты? А как твои дела? Как работа? А я Сашеньку буду любить всегда, я и тебя, Петенька, буду любить, и тебя и Юленьку и дедушку, папочку моего, и отца вашего Сергея Сергеевича Реброва, я вас всех и всегда любить буду. Да кто ж вас еще любить-то будет, если не я? Кому ж вы еще нужны в этой-то стране, в этом-то государстве? А я потом Сашеньке говорю: «Сашенька, да зачем же тебе это нужно? Такая-то любовь! Зачем тебе эти вещи делать?! Хоть бы дверь-то закрывали, не позорились-то! А если б отец зашел, что было бы? А если б Юля увидела? Она же девушка! А дедушка? Он ведь пожилой человек, у него бы сердце могло бы остановиться. Да зачем тебе это, Сашенька, нужно-то? Разве мало красивых девочек? Посмотри-то сколько их вокруг! И много и хороших сколько! Вот дочка Розы Александровны, Наденька, очень хорошая девочка. Училась в Востоковедении на одни пятерки. Что ж ты за ней не ухаживал? Сейчас бы жил в Бонне с жидами. Вот Роза Александровна пишет, что у Наденьки жених появился, немец, обеспеченный с квартирой и двумя машинами, в Париж ее возил. Что ж ты, Сашенька, за Надей не ухаживал? Сейчас бы сидел в Германии, а не в нашем российском говне. Или хотя бы как голубой эмигрируй, но только чтобы квартиру дали и подъемные от государства. Хочешь, мы тебя притеснять будем, чтобы тебе все сделали, как голубому? Что ж ты со мной творишь, Сашенька, что ж ты делаешь с сердцем матери? Что ж ты делаешь?» Так я говорила Саше. А он как будто меня не понимает. А как же внуки тогда, Петенька?! Если Юленька замуж не хочет, Саша на мальчиков, а ты в Москве. (Истерически.) А в целом у нас все хорошо, все нормально. А как ты, как твое здоровье? Звони, не забывай нас. Папа, Юля, Саша и дедушка – вон он машет рукой – передают тебе привет. Целую тебя, Петя, мальчик мой дорогой! Надежда и опора наша. Здоровья тебе. Здоровье – это главное. А как ты? Как на работе? Целую. Мама. Постскриптум. Ты себе купил резиновые шлепанцы для душа? Ты себе купи, потому что можешь подхватить грибок от хозяйки. Сергей, Елены Антоновны сын, подхватил – до сих пор мучается. (Кричит.) Петя, почему ты не отвечаешь маме?! Петя, мне очень плохо – зрение падает!! Боюсь катаракты!! Очень устаю: пока на всю семью наготовишь! Два раза в день на рынок! Как тащишка я, все замудохалась!! Стою в этих очередях: то за коммуналку, то за телефон, а еще кто-нибудь лезет!! Так и дала бы сеткой по башке!! Петенька, мальчик мой!! Мамочке твоей плохо, Петенька!! Дорогой мой сыночек, маленький!! Как же я тебя люблю!! Как же мне плохо, маме твоей!! Петенька, прости, что я тебе тогда рубашку прожгла!! Прости люблю мама!!!

Затемнение.

В темноте вновь раздается голос Ольги Обуховой.

ОБУХОВА. Сынок, я тебя хотела спросить, а ты не умер? Петенька? Извини, что я так подумала. Просто, помнишь тетю Аллу, которая к Ванге ездила, когда у нее сын пропал? У нее ведь муж в гараж пошел с машиной возиться и умер, несколько дней пролежал, пока уже пахнуть не стало. Сынок, вот я и боюсь, что ты лежишь где-то. Я хотела уже погадать на тебя, но не знаю, как – на живого или, не дай Бог, мертвого.

Сынок, ответь в любом случае. Успокой маму.

Пауза.

В темноте раздается голос Саши Вайс.

ВАЙС. Дима, здравствуй! Я сегодня снова много гуляла, но не до мебельного магазина, а до бульвара. Там есть небольшой ларек, где тетя всегда покупает для меня печеное. После прогулки, когда я пришла домой, то вырвала из своей груди сердце и положила его в большую банку с водой и поставила на подоконник. Я слегка прикрыла банку полотенцем, чтобы с улицы не было видно. Но я и не беспокоюсь: у нас возле окна растет большое дерево, с большой кроной. Летом оно полностью закрывает обзор. Дима, приезжай к нам на лето!

Твоя Саша.

Пауза.

В темноте раздается голос Николая Иванова.

ИВАНОВ. Здравствуй, Володя. (Пауза.) У меня все хорошо. Вчера ко мне в комнату, когда я спал, вошел ангел. Без всяких чудес вошел. Это был красивый юноша в белой длинной рубашке. Он укрыл меня своим пушистым крылом и прошептал на ухо: «Ты великая душа. Ты много пострадал. Но скоро все кончится и ты отправишься к Богу». Он так сказал и заплакал. (Кричит.) Любящий тебя Николай!

Веб-камера взрывается.

Затемнение.

Сцена медленно освещается. Теперь это рабочий стол или Интернет-кафе. За главным компьютером системный администратор (Mailer Daemon). Вдоль стены три «Моих компьютера». Они никем не заняты, на их экранах заставки-скринсейверы (что-нибудь старое, вроде «Сквозь вселенную» или «Трубопровода»). Сисадмин меланхолично щелкает мышкой. На двери висят таблички «Не входить!» «Forbidden 403» «Сервер не найден» За сценой раздается шум. Дверь открывается, на пороге – Обухова.

ОБУХОВА. Помогите мне.

MAILER DAEMON. А? (Замечает Ольгу Владимировну.) Сейчас.

Подходит к ней, помогает войти внутрь.

ОБУХОВА. Ох, спасибо! (Отряхивается.) Лед бы хоть с крыльца убрали – вон я как манданулась.

MAILER DAEMON. Да все нормально же.

ОБУХОВА. Хоть бы песком или солью посыпали. Возле хлебного сыпят, я сама видела.

Сисадмин молча возвращается за компьютер.

ОБУХОВА. Мне в Интернет нужно.

MAILER DAEMON. Что нужно?

ОБУХОВА. В Интернет, у меня там сын.

MAILER DAEMON. Я вам ключу.

ОБУХОВА. А поскольку у вас...

MAILER DAEMON. Че?

ОБУХОВА. Сколько стоит Интернет?

MAILER DAEMON. Час семьдесят рублей.

ОБУХОВА. Мне час хватит?

MAILER DAEMON. Не знаю.

ОБУХОВА. Хватит, наверное. Включайте.

MAILER DAEMON. Садитесь за первый компьютер.

Ольга Владимировна отсчитывает деньги в подставленную коробку из-под печений. Идет к первому компьютеру, садится.

ОБУХОВА. А что тут за звезды?

MAILER DAEMON. Че?

ОБУХОВА. Ты бы мне показал хоть.

MAILER DAEMON. Не умеете?

ОБУХОВА. Откуда?

Сисадмин встает и идет к Ольге Владимировне.

MAILER DAEMON. Что вы хотели?

ОБУХОВА. Сына.

MAILER DAEMON. Че, сына?

ОБУХОВА. Я ему писала, писала, а он не отвечает, а младшенький заглянул и говорит – так вот же онлайн он, то есть он где-то есть, но не отвечает.

MAILER DAEMON. Ну?

ОБУХОВА. Как с ним списаться?

MAILER DAEMON. Ну, если знаете его контакты, берите и пишете, чего.

ОБУХОВА. Да я все понимаю. Но младший говорит, что он вот сейчас там все время, все время. Пусть он мне сразу и ответит.

MAILER DAEMON. Где он онлайнится?

ОБУХОВА (достаёт бумажку). Мне младший списал его адрес. (Разворачивает.)

ЖэЖэ.

MAILER DAEMON (заглядывает). Ну да. (Вводит адрес.) Сейчас попробуем.

Пауза. Ольга Владимировна ерзает на стуле.

ОБУХОВА. Ну чего там?

MAILER DAEMON. Последний пост пятнадцать минут назад.

ОБУХОВА. Чего?

MAILER DAEMON. Он пятнадцать минут назад написал в журнале.

ОБУХОВА. Посмотрите, он не мне написал – у меня катаракта начальная, мне на экран нельзя.

MAILER DAEMON. Не, не вам.

ОБУХОВА. А чего он пишет? Может, когда приедет говорит.

MAILER DAEMON. Не.

ОБУХОВА. А чего там?

MAILER DAEMON. Не, не могу...

ОБУХОВА. Че матом?

MAILER DAEMON. Ага.

ОБУХОВА. Читай давай, мне все равно. У меня отец военный, я в гарнизоне росла.

MAILER DAEMON. Да как-то...

ОБУХОВА. Читай.

MAILER DAEMON. Майкл Джексон – черное уебище.

Пауза.

ОБУХОВА. Все?

MAILER DAEMON. Все.

ОБУХОВА. А еще что?

MAILER DAEMON. Кросс-посты.

ОБУХОВА. Чего это?

MAILER DAEMON. Ничего.

ОБУХОВА. Ты поищи.

MAILER DAEMON. Щаз...

Дверь распаивается. На пороге возбужденный Иванов.

Быстро подходит к системному администратору.

ИВАНОВ. Это срочно. Женщина, отойдите.

ОБУХОВА (отстраняет его рукой). У вас срочно и у меня срочно.

ИВАНОВ. Женщина, вы что, пьяная? Я вам сказал.

ОБУХОВА. И я вам сказала. Не пьяная я никакая. Я последний раз на Новом Годе бальзам из крышечки выпила граммов десять.

ИВАНОВ. Вы с тех пор не протрезвели. (Толкает ее.)

ОБУХОВА (отбивается). Ах ты жопа с ручкой! Я сейчас сына позову.

MAILER DAEMON. Сына?

ОБУХОВА. Ты искать продолжай.
MAILER DAEMON. Не, вы, пожалуйста, разберитесь, что делать.
ИВАНОВ. Пишите, как я скажу.
ОБУХОВА. Ищи, ищи...
ИВАНОВ. Пиши!! Пиши я сказал!!

Он буйствует и безумствует: высовывает язык и показывает зубы.

ИВАНОВ. Укушу!!
MAILER DAEMON (кладет руки на клавиатуру). Я готов.
ИВАНОВ. Владимиру Путину. Срочно. Лично. Владимир Владимирович, мне удалось раскрыть, что согласно еще плану Аллена Даллеса на псковских полигонах готовят бомбы. Запретите зеленку или бриллиантовый зеленый раствор. Если не предотвратить, то будет война. Я и член партии «Справедливая Россия» Наталья Горюнова предотвратили пока несколько аптек за счет личных средств, пока все в порядке. Еще экспансия айфонов в нашу страну – это план контроля. Каждый айфон собирает информацию о владельце и обменивается с Джорджами Бушами. Их группировки уже приобрели специальные трансляторы и меня облучают. Мне внушают мысли про Конец Света, хотя известно, что он наступит в 2047 из-за американских НАТО. Считаю нужным ввести войска пока не поздно, а капитал скорее отозвать, потому что если они введут амеро, мы останемся с экспортированной инфляцией на руках. Записали?
MAILER DAEMON. Ага.
ИВАНОВ. Отправляйте.

Пауза.

ИВАНОВ. Ну?
MAILER DAEMON. Что?
ИВАНОВ. Ответил?
MAILER DAEMON. Нет пока.
ИВАНОВ. Наверное, на обеде.

Иванов обеспокоено ходит взад-вперед.

ОБУХОВА. Вы что, Путину писали?

Иванов молчит.

ОБУХОВА. Так он же не ответит.
ИВАНОВ. Что?
ОБУХОВА. Он вам, что ли, отвечать будет?
ИВАНОВ (смотрит на нее с презрением). Почему нет?
ОБУХОВА. Потому что Путин, а вы ему мозги засираете.
ИВАНОВ. Может быть, он вам отвечает?

ОБУХОВА. Да что ты говоришь! Мне сын родной молчит.
ИВАНОВ. Вот и не лезьте, если вы такая бесполезная.
ОБУХОВА. Это я-то бесполезная? Вы бы не лаялись, а совета спросили.
ИВАНОВ. Нечего мне у вас спрашивать.

Дверь открывается, на пороге – Саша Вайс.

ВАЙС (глядит перед собой). Что с ним?
ОБУХОВА. С кем?
ИВАНОВ. Ты кто?
MAILER DAEMON. Вам в Интернет?
ВАЙС. Скажите мне честно, что написано в новостях...
ИВАНОВ (оборачивается). Кто это?
ВАЙС. Он умер? Его убил какой-нибудь сумасшедший?
ОБУХОВА (привстает). Девочка, тебе кого нужно?
ВАЙС (едва держится на ногах). Господи, я так и знала, так и знала... Боже!..

Она падает в обморок.

ИВАНОВ. А! Умерла!
ОБУХОВА. Ох, мама! Упала девочка!
MAILER DAEMON. Что за фигня!

Все подбегают к Саше, поднимают ее и укладывают на несколько стульев, составленных в ряд.

ОБУХОВА. Воду дайте!
ИВАНОВ. Воды!

Сисадмин бежит в соседнюю комнату и вскоре появляется со стаканом, наполненным водой.

MAILER DAEMON. Вот.
ИВАНОВ (вырывает стакан). Дайте. (Выливает воду Саше на лицо.)
ОБУХОВА. Да что ж вы делаете?
ВАЙС (поднимает голову). Апх! Апх!
ИВАНОВ. Видите, сразу очнулась.
MAILER DAEMON. Любой бы очнулся.
ВАЙС. Что с Димой?
ОБУХОВА. С каким Димой, девочка?
ВАЙС. С Димой Биланом? Почему он не отвечает?
ОБУХОВА. Не знаем.
ВАЙС (оглядывается). Посмотрите, пожалуйста, в Интернете. Пожалуйста!
MAILER DAEMON. А чего посмотреть?
ОБУХОВА (сисадмину). Много не разговаривай, а смотри.

ВАЙС. В новостях должны написать, если что-то случилось. Главное, чтобы он был жив.

MAILER DAEMON (подходит к компьютеру, открывает браузер). Сейчас...

Молчание, все напряженно ждут.

ИВАНОВ (нервно). Ну что?

MAILER DAEMON. «Новый аромат от Димы Билана. Хочешь попробовать?»

ВАЙС. Хочу.

ОБУХОВА (гладит ее по голове). Хотим.

MAILER DAEMON. Это реклама.

ВАЙС. Ничего больше? Никаких плохих новостей?

MAILER DAEMON. Нет, только хорошие.

ВАЙС. Господи, как я рада... (Садится.)

Пауза.

ВАЙС. Извините меня... пожалуйста...

ОБУХОВА (сисадмину). Может быть, мы чаю попьем?

MAILER DAEMON. Можете... Да, конечно.

ОБУХОВА. А чашки у вас есть?

MAILER DAEMON. Есть. (Встает.) Там, в столе. Только помыть надо.

ОБУХОВА. Мы помоем. (Смотрит на Иванова и Вайс.) Ну что?

ИВАНОВ. Я не знаю. Я боюсь отравления.

MAILER DAEMON (шарит в столе). Честно говоря, у меня кроме конфет вас травить нечем.

ВАЙС (Иванову). Оставайтесь, пожалуйста.

ОБУХОВА. Меня зовут Ольга Владимировна.

ВАЙС. Меня Саша.

ИВАНОВ. Николай. Хорошо, но я ничего пить не буду – просто посижу.

ОБУХОВА. Вот и хорошо. Я тоже иногда делаю разгрузочный день: сажусь за стол, потом встаю и как будто пообедала.

MAILER DAEMON (показывает чашки). Смотрите! Одна с клубникой, другая – просто фиолетовая, а третья – прозрачная.

Сисадмин расставляет чашки.

ВАЙС. Может быть, за печеньями сбегать?

ИВАНОВ (смотрит на Сашу). Ненавижу женщин...

ОБУХОВА. За что?

ИВАНОВ. Вы думаете, я для этого остаюсь – смотреть, как вы валяетесь в обмороках и едите печенья?

ОБУХОВА. Нельзя так говорить. (Чтобы сгладить неловкость.) Давайте уже сядем.

Все садятся, каждый смотрит в свою чашку.

ИВАНОВ. Вы верите в вечную жизнь?

Пауза.

ОБУХОВА. Это в Бога?

ИВАНОВ. В вечную жизнь.

ВАЙС. Конечно.

ОБУХОВА. Да, я крещенная.

ИВАНОВ. По-моему, вы дура.

ДМ (бьет рукой по столу). Николай!

ИВАНОВ. Что?

MAILER DAEMON. Я вас забаню.

ОБУХОВА (берет его за руку). Не надо. Я действительно дура.

ИВАНОВ. Вот-вот.

ВАЙС. Вы, наверное, верующий.

ИВАНОВ. Мне... может быть... осталось несколько часов жизни...

ВАЙС и ОБУХОВА. Господи, почему?!

ИВАНОВ (пожимает плечами). Холодно... обещали, что еще похолодает.

ВАЙС. Вам холодно?

ОБУХОВА. Хотите, я вам пальто отдам? Хорошее, у нас его никто не носит.

ИВАНОВ. Вы не понимаете.

ВАЙС. Я действительно не понимаю.

MAILER DAEMON. Я тоже.

Иванов нервно хватается со стола конфету и засовывает за щеку.

ИВАНОВ. Ну и не надо. Ах-х! Х-х! (Задыхается.)

ВАЙС (сисадмину). Вы его отравили!

ИВАНОВ (хрипит). Я подавился...

Все бьют его по спине, конфета вылетает из Николая.

ИВАНОВ. Спасибо...

ОБУХОВА. Теперь вы видите, что мы вас не травим, а спасаем.

ИВАНОВ. Вижу.

ОБУХОВА (Саше; указывает на Николая.) Посмотри, какой тут мужчина конфетой поперхается.

Саша краснеет.

ИВАНОВ. Я не мужчина. Я импотент.

ОБУХОВА. Ой!

ИВАНОВ. Да, а чего тут стыдиться? Я рад этому. С некоторых пор я понял, как огромен мир без женщин.

ВАЙС. И как же он огромен?
ИВАНОВ (раздраженно). Очень!
ОБУХОВА. Ничего, Коля, сейчас все лечат – даже здоровых.
ИВАНОВ. Я не прошу меня лечить! Я прошу меня понять!
ОБУХОВА (шепотом). Посмотри, какая Саша девочка.
ИВАНОВ (встает). Да что вы мне ее подсовываете!
ВАЙС (встает). Никто меня вам не подсовывает.
ИВАНОВ (через стол). Еще как подсовывают.
MAILER DAEMON (подняв руки). Я не вмешиваюсь.
ВАЙС. Кто же это?
ИВАНОВ (указывает на Обухову). Да вот она.
ВАЙС (Обуховой). Вы меня, пожалуйста, не подсовывайте Николаю.
ОБУХОВА. Все, никого не подсовываю.
MAILER DAEMON. И меня тоже, пожалуйста.
ИВАНОВ (сисадмину). А вас мне давно не нужно.
MAILER DAEMON. Я себя и не предлагаю.
ИВАНОВ (кричит). И не нужно!!

Пауза. Николай идет к двери.

MAILER DAEMON. Идиот.
ИВАНОВ (возвращается). Что ты сказал?
MAILER DAEMON. Я сказал...
ИВАНОВ. Идиот ты! Идиот ты сам!! (Дает сисадмину пощечину.)

Женщины вскрикивают.

ИВАНОВ. В следующий раз убью.

Идет к двери, сисадмин вскакивает и хватается Николая за шею.

ИВАНОВ. Ай! Отпусти!

Дерутся. Вернее, сисадмин бьет Николая.

ВАЙС. Отпустите его!
ОБУХОВА. Отпустите! Вы его затрясете!
ИВАНОВ. По... мо... гите!

Драка, борьба. Николай вырывается из рук сисадмина, он бежит по Интернет-кафе, сисадмин его догоняет и валит на стол. Иванов переворачивает чашку с чаем, он заливает клавиатуру: искры и дым.
Начинает «моргать» свет.

MAILER DAEMON (вытирает стол рукавом). Придурок! Что ты сделал?

ВАЙС. Что такое?
ОБУХОВА. Наверное, замыкание. У нас такое каждый раз из-за китайского миксера.
ВАЙС. Не похоже... (Николаю.) С вами все хорошо?
ИВАНОВ (указывает в угол). Что это?
ОБУХОВА. Что там? Таракан? Дайте очки надеть...

Обухова роется в сумке. Саша Вайс глядит в угол и вскрикивает. Иванов держится за голову.

ОБУХОВА (держит очки в руках). Сейчас посмотрю. (Идет в угол.) Здесь?
ИВАНОВ (хрипло). Здесь...
ОБУХОВА. Сейчас взглянем... (Надевает очки.)

Прожектор в угол сцены: здесь из стены, проедая ее насквозь, появляется огромный белый червь. Он висает над Обуховой, как огромный знак вопроса. С него течет слизь.

ОБУХОВА (оборачивается к сисадмину). Вы совсем, что ли, за порядком не следите?
MAILER DAEMON. Почему?
ОБУХОВА. Посмотрите, что тут у вас ползает. И куда только санэпидемстанция смотрит!
MAILER DAEMON. Наверное, что-то с обновлениями для антивируса. Видите, какой троян вырос.
ВАЙС (едва слышно). Отойдите, я вас умоляю, отойдите!
ИВАНОВ. Он вас сожрет...
ОБУХОВА. Меня? Да я его сейчас... (Снимает обувь.) Сожрет он меня, как же!
ВАЙС. Пожалуйста не...

Обухова замахивается на червя. Тот издает странный, похожий на трубный, звук.

ОБУХОВА. Ух, твою мать!
MAILER DAEMON. Бегите! Бегите!

Николай хватается со стола карандаш.

ИВАНОВ (заслоняет Обухову). Бегите, женщина!
ВАЙС. Николай, что вы делаете?!

Николай пытается уколоть червя карандашом.

ИВАНОВ. Убирайся назад!!

Вонзает в червя карандаш. Огромное насекомое издает страшный крик и падает.

ВАЙС. Осторожнее!

Она успевает оттолкнуть Николая, так что червь падает рядом, никого не задевая.

Червь набрасывается на Обухову и обвивает ее, превращая в кокон.

ВАЙС. На помощь!

ИВАНОВ. Помогите!

Вспышки света. Затемнение.

Музыка из игры «Распан».

Под звук сирены Саша Вайс (Распан) бежит по лабиринту, скрываясь от трех приведений (геймеров): Blinky, Pinky и Inkey. Она ест монеты; ей удается схватить три таблетки, но четвертую, увы, нет. Приведения загоняют ее в угол.

Вайс в западне. Напротив ее – геймеры угрожающе шевелят руками, выставленными из-под разноцветных балахонов.

ПЕРВЫЙ. Сколько у нее очков?

ВТОРОЙ. Вонючие четыре тысячи.

ВАЙС. Не трогайте меня, пожалуйста.

ТРЕТИЙ. Заткнись, здесь не разговаривают.

ВАЙС. Но вы же говорите.

ВТОРОЙ. Блин, Блинки, какого черта мы разболтались?

ПЕРВЫЙ. Точно, Пинки, ее нужно быстрее прибить.

ТРЕТИЙ. Держите ей кто-нибудь пасть, чтобы она не кричала.

ВАЙС. Нет, пожалуйста, не трогайте. Я думаю, мы просто должны понять друг друга.

ПЕРВЫЙ. Хватит трещать!

ВАЙС. Послушайте, вы можете лишить жизни человека!

ТРЕТИЙ. Что? Ты – это несколько жалких пикселей в рамке флэш-плеера.

ВАЙС. Я – человек.

ВТОРОЙ. Ты – Распан.

ВАЙС. Хорошо, хорошо. У меня последний вопрос. Если я Распан и это всего игра, то почему вы меня не схватили сразу? Ведь приведение не может не исполнить требований программы: сбавить скорость, проявить жалость.

ПЕРВЫЙ. Наверное, снова глючит Windows.

ТРЕТИЙ (заливается смехом). Ах, как здорово сказано!

ВАЙС (оглядывается на четвертую спасительную таблетку). Но если я человек и вы тоже люди, тогда все становится на свои места.

ВТОРОЙ. Твое место там, где ты стоишь.

ПЕРВЫЙ. Да, не прыгай.

ВАЙС (прыгает). А вот и буду прыгать!

ТРЕТИЙ. Хватит, тебе говорят!

ВАЙС. И, кроме того, вас должно быть четверо, а не трое. Где ваш четвертый

товарищ, а?

Приведения переглядываются.

ПЕРВЫЙ. Где Клайд?

ВТОРОЙ. Не знаю.

ТРЕТИЙ. Он вчера был в клубе и не смог с утра загрузиться. Я думал, мы справимся и без него.

ВТОРОЙ. Кто знал, что она окажется такой дотошной?

ВАЙС. Как это приведение может ходить в клуб?

ПЕРВЫЙ. Это был клуб для приведений.

ВАЙС (решительно). Хватит! Я отказываюсь погибать от ваших рук! (Идет к таблетке.)

ПРИВЕДЕНИЯ. А ну стой!

ВАЙС (останавливается возле таблетки). Стою, дорогие мои. (Поднимает таблетку.) А теперь стойте вы.

Приведения визжат от ужаса.

Саша проглатывает таблетку и приведения синеют и с ужасом бросаются прочь. Саша бежит за ними и, догнав, съедает одно за другим. От призраков остаются одни удивленные глаза.

ВАЙС. Чего смотрите?

Три пары глаз смотрят за спину Саши. Там появилось четвертое приведение Clyde.

ВАЙС (обернувшись). Ах... я погибла... (Оглядывается.) Ни одной таблетки не осталось...

Clyde подходит к Саше.

ВАЙС. Что ж, наверное, иначе и не могло быть...

Саша падает в обморок, но приведение успевает ее подхватить и удерживает в руках. Глаза призраков исчезают.

Clyde любит красоту недвижимой Саши.

ЧЕТВЕРТЫЙ. О, как ты красив...

ВАЙС. Что?..

ЧЕТВЕРТЫЙ. Как ты красив, мой мальчик...

ВАЙС. Что? Какой мальчик?

ЧЕТВЕРТЫЙ. Ты, мой мальчик...

ВАЙС (открывает глаза). Боже! Дима!

Сlyde снимает капюшон – под ним Дима Билан.

БИЛАН. Да, это я!

ВАЙС (обнимаете его). Милый мой, милый... Я знала ты придешь, чтобы спасти меня!..

БИЛАН. И я, вау, пришел и, вау, спас тебя.

ВАЙС (целует его). Маленький, маленький... Как же я тебя ждала!

БИЛАН. Я тоже ждал тебя, мой дорогой!

ВАЙС. Что?.. (Продолжает его целовать.) Это лицо... Которое я воображала сотни и тысячи раз...

БИЛАН. А я воображал твой огромный возбужденный член!

ВАЙС. Что?.. Что, Дима?..

БИЛАН. Ты ведь будешь меня любить?

ВАЙС. Конечно! О, конечно!

БИЛАН. Я бы очень хотел, чтобы вначале мы мастурбировали друг другу.

ВАЙС. Я... я... конечно...

БИЛАН. А потом ты без предупреждения всунешь мне свой хрен!

ВАЙС. Конечно, я готова, готова всунуть...

БИЛАН (ловит ее взгляд). Почему ты так неуверен?

ВАЙС. Потому что...

БИЛАН. Ты, может быть, не хочешь кончить мне на лицо?

ВАЙС. Я бы с удовольствием, но, к сожалению, не могу...

БИЛАН (в отчаянии). Но почему?! Почему?! Ты не любишь меня?!

ВАЙС. Очень люблю, Дима! Но я девушка.

БИЛАН (отшатываясь). Девушка?..

ВАЙС. Так ты... правда... гей...

БИЛАН. Но ведь ты Саша Вайс...

ВАЙС. Да, я Александра Эрнстовна Вайс.

БИЛАН. Александра?.. О... То есть, ты выросла без члена и у тебя эта... как ее?..

вагина... с влагилицем... и еще клитор...

ВАЙС. Да...

БИЛАН. Но это ужасно...

ВАЙС. И в одном из первых писем я говорила, что я девушка, просто у меня такое имя...

БИЛАН. Блядь... Я не вчитывался, я смотрел на подпись! (Схватившись за голову.) Значит, ты не богатый гомосексуалист?

ВАЙС. Нет...

БИЛАН. Это многое меняет...

ВАЙС. Я могу разбогатеть.

БИЛАН. Как?

ВАЙС. Я буду работать.

БИЛАН. Это бесполезно. От этого делаются усталыми, а не богатыми.

ВАЙС. Но все-таки я могу разбогатеть.

БИЛАН. Но ведь у тебя вагина, и влагилице, и клитор.

ВАЙС. Да, но я могу как-нибудь...

БИЛАН. Как?

Пауза.

Вайс, залившись краской, шевелит пальцами.

БИЛАН. Покажи руки.

ВАЙС (протягивает руку как для поцелуя). Вот...

БИЛАН (смотрит на ее пальцы). Нет, это не подойдет... (Закатывает ей рукав.) Нет, все не то... (Вкладывает ей в ладонь монету.) Ну-ка попробуй.

ВАЙС. Что делать?

БИЛАН. Поиграй с монетой?

Саша пытается играть, но вскоре роняет монету.

БИЛАН. Вот видишь, тебе нельзя доверить даже пять рублей.

ВАЙС. Но, Дима, я буду стараться, я приложу все усилия... И, если хочешь, я поменяю пол...

БИЛАН. О нет! (Окидывает ее взглядом.) Чтобы исправить все это... Таких денег нет даже у меня.

ВАЙС. Но я люблю тебя!

БИЛАН. Любила бы, пришла бы с членом.

ВАЙС. Дима! Не говори этого! Я готова любить тебя без единого прикосновения, без единого поцелуя! Подумай, ведь все гомосексуалисты заканчивают в одиночестве – не прогоняй же меня! Когда-нибудь тебе потребуется моя любовь.

БИЛАН. Ты меня не любишь. Нет. Ты не мужчина, ты не красива и у тебя нет денег – как ты можешь меня любить?

Пауза.

ВАЙС. Ты прав. Я, наверное, не люблю тебя... Но я просто не знала, какой мне следует быть.

БИЛАН. Но сердце мое разбито: я бежал, я волновался, я загадывал желания. Что мне теперь делать? Раз в жизни я разрешил себе поверить. Я сказал себе: «Дима, это он. И его зовут Саша Вайс». Он высок, строен и голубоглаз. Он придет и скажет: «Не “Евровидение”, не мировая слава, а любовь привела меня сюда». Скажет так и...

Он едва не падает в обморок, Саша успевает его подхватить.

ВАЙС. Дима, что с тобой?..

БИЛАН (закрыв глаза). Господи... повсюду свет... яркий свет... я вижу ангелов... ангелов в майках... как они красивы... Господи...

ВАЙС. Димочка, тебе плохо?!

БИЛАН. Они поют... как красиво они поют... я вижу Бога... его член... о, распни! Распни меня на нем!..

ВАЙС (оглядывается). На помощь! Билану плохо! (Целует его.) Мальчик мой...
БИЛАН (вздрагивает). Что это? Почему исчез свет?.. О нет! Нет! Мне страшно!
ВАЙС. Что с тобой, что ты видишь?
БИЛАН. Я... меня... никто... не...

Умирает.

ВАЙС. Дима?..

Пауза.

ВАЙС. Дима.

Медленно затемнение.

В темноте раздаются голоса (слов не слышно), короткие перебежки.
Сцена освещается тремя геймерами, вокруг которых горят фиолетовые ауры.
Затем начинает светиться пол (земля) под ногами: это виртуальная поляна, заросшая изумрудным паттерном. Неподалеку холм, на котором растет огромный гриб с ножкой из подвижных фаланг, рядом с грибом пасется дракон. В левой части сцены открывается вход в красный тоннель, напоминающий пульсирующую гортань. Из нее время от времени вылетают бардовые хлопья. В центре сцены лежит, обмотанная червем, Обухова.
Из-за сцены раздается короткий свист, как будто зовут собаку. Червь оживает, разматывается и уползает за сцену.
Рядом с освобожденной Ольгой Владимировной появляются три геймера.

ОБУХОВА. Кто вы, мальчики?

ПЕРВЫЙ. Что за моб?

ВТОРОЙ. Посмотреть? (Делает шаг вперед.)

ТРЕТИЙ. Осторожно.

ОБУХОВА. А чего ты с пулеметом? Пулемет положи. (Второй делает шаг в ее сторону.) Ой! Не подходи. (Замахивается на него.)

ТРЕТИЙ. Осторожно: агро радиус.

ОБУХОВА. Вы кто?

ПЕРВЫЙ. Ебало закрой, лицом вниз.

ОБУХОВА. Ты как женщине говоришь, сволочонок!

ПЕРВЫЙ (вскидывает оружие). Назад! Я на скин не посмотрю, что ты женщина.

Быстро идет к нему и бьет по щекам прихваткой.

ВТОРОЙ (смеется). Она, бля, дэмэдж дилер.

Первый отвечает ей ударами ружейного приклада, бьет ногой в живот. После каждого удара от Ольги Владимировны отлетают кружочки, в которых обозначена сумма полученных геймером очков. Ольга Владимировна оседает на

пол, из фартука ее выпадают разные предметы: катушка ниток, календарь, ручка, расческа и т. д.

ТРЕТИЙ (переворачивая Ольгу Владимировну сапогом). Судя по ебалу, экспириенс у нее вери биг.
ВТОРОЙ. А левел какой?
ПЕРВЫЙ (присматривается). Первый: зарешеченный балкон.

Ольга Владимировна кашляет и шевелится.

ТРЕТИЙ. Не фул хелф.

ВТОРОЙ. Давайте ей голову отрежем.

ПЕРВЫЙ. Ты кто такая?

ОБУХОВА. Ольга Владимировна.

ПЕРВЫЙ. Из какого клана?

ОБУХОВА. Из-под Воронежа.

ПЕРВЫЙ. А хули тут делаешь?

ОБУХОВА. Я по хозяйству...

ПЕРВЫЙ. В Калимдоре по хозяйству?

ОБУХОВА. Тут мой дом.

ВТОРОЙ. Ты ночной эльф, что ли?

ОБУХОВА. Мне до пенсии...

ТРЕТИЙ. Это долбаный орк, фигли мы с ней разговариваем!

ВТОРОЙ. И ебать слишком старая.

ТРЕТИЙ. Давайте ей позвоночник сломаем.

ПЕРВЫЙ. STFU!

Пауза.

ПЕРВЫЙ. Это криттер.

Складывает оружие, усаживается на пень.

ПЕРВЫЙ (второму). Хватит шароебиться: трит ми.

ТРЕТИЙ. Чего?

ПЕРВЫЙ. Руку мою. (Закатывает рукав, показывает рану.)

Третий вздыхает, кладет оружие на землю, достает небольшую аптечку и идет к Первому.

ТРЕТИЙ (наступает на катушку ниток, едва не падает). WTF!

ВТОРОЙ (смеется). Об друп наебнулся.

ПЕРВЫЙ. Что за лут?

Третий поднимает катушку, смотрит на нее и бросает в голову Ольги

Владимировны.

ТРЕТИЙ. Катушка, блядь.

ОБУХОВА. Ой!

ПЕРВЫЙ (Третьему). Хватит!

ТРЕТИЙ. Кк.

Третий перевязывает Первому руку.

ПЕРВЫЙ (Ольге Владимировне). Тебе сколько лет?

ОБУХОВА. Пятьдесят три.

ПЕРВЫЙ. Дети есть?

ОБУХОВА. Есть. Трое: два сына и дочь.

ПЕРВЫЙ. Как здесь оказалась?

ОБУХОВА. Не знаю. Наверное, не выпалась.

ПЕРВЫЙ. Лавэ есть?

ОБУХОВА. Что?

ПЕРВЫЙ. Деньги есть?

ОБУХОВА. Есть...

ПЕРВЫЙ. Покажи.

ОБУХОВА. Там, в сумке...

ПЕРВЫЙ (Третьему). Принеси.

Третий приносит сумку.

Ольга Владимировна вынимает кошелек.

ПЕРВЫЙ. Посчитай, сколько.

ТРЕТИЙ. Лучше я.

Первый смотрит на него гневно. Ольга Владимировна быстро пересчитывает деньги.

ОБУХОВА. Три пятьсот.

ПЕРВЫЙ. Пятьсот себе оставь.

ОБУХОВА (прижимает кошелек к груди). Мальчик, а как же..? Я ведь и за межгород еще...

ПЕРВЫЙ. Пятьсот оставь.

ВТОРОЙ. Целую пятачку.

Ольга Владимировна отсчитывает пятьсот рублей, оставшиеся деньги у нее вырывает Третий и передает Первому.

ОБУХОВА. Мальчики, как же я тут буду? Я же одна совсем.

ПЕРВЫЙ. Не знаю, твои проблемы.

ОБУХОВА. Мальчики, как же я...? Мне нужно до сына доехать. Он где-то здесь...

ПЕРВЫЙ. А кто твой сын?

ОБУХОВА. Петенька, Петя Обухов.

Геймеры переглядываются и смеются.

ОБУХОВА. Вы его знаете?

Геймеры продолжают смеяться.

ОБУХОВА (хватая их за руки, заглядывая в лица). Вы знаете моего сына? Знаете?

ПЕРВЫЙ. Знаем.

ВТОРОЙ. Это чел, который растворился в ЖЖ?

ТРЕТИЙ. Ага, это он.

ОБУХОВА. Где он растворился?

ВТОРОЙ (Первому). Показать ей этого обсоса?

ПЕРВЫЙ. Покажи.

ВТОРОЙ (Обуховой). Эй, монстр из оффлайна, пойдём.

Кивает Обуховой, идет в сторону.

Первый и Третий геймеры исчезают.

Задник сцены поднимается. Здесь в большой тарелке с супом варится Петр Обухов. Он комментирует посты в Живом Журнале. Над тарелкой, словно два огромных ежа или две мины зависли буквы «ЖЖ».

ОБУХОВА (бросается вперед). Петя! Я мама твоя, Петенька, мама!

Петр булькает.

ОБУХОВА. Петенька, почему ты мне не отвечал? Петя!..

Пауза.

ГОЛОС. Петр Обухов комментирует пост «Фотожабы на Обаму».

ПЕТР. Ну бля.

ОБУХОВА. Петя!..

ГОЛОС. Петр Обухов комментирует пост «Ты что, стесняешься меня, Мистер Модный Блестящий Гаджет?»

ПЕТР. Ебанько.

ОБУХОВА. Петенька!.. Я тебе пишу-пишу, а ты молчишь. Разве трудно найти время для мамы?

ГОЛОС. Петр Обухов комментирует пост «Нахлынуло».

ПЕТР. Уберите вашу хуйню под кат. Спасибо.

ОБУХОВА.

ГОЛОС. Петр Обухов комментирует пост «Девочка попросила хомячка»

ПЕТР. Обсыкаюсь!

ОБУХОВА. ГОЛОС. Петр Обухов комментирует пост «Без хобота»

ПЕТР. У-у какие сигареты.

ОБУХОВА. Еще трубы у нас меняли в ванной, там, где сушилка. Да так меняли, что такую дыру в потолке продолжили, аж страшно, а еще в полу одна. Мы какими могли тряпками заткнули, но все равно когда соседи срать ходят – все слышно.

ГОЛОС. Петр Обухов комментирует пост «Интронизация».

ПЕТР. Ггг!))

ОБУХОВА. Вот я и думаю, что если бы ты был со мной рядом, мой сыночек, ты бы мне помог. (Нежно.) Помнишь, как ты в детстве шавлю любил? Вечно а себя тарелку перевернешь и сидишь, как бабай.

ГОЛОС. Петр Обухов комментирует пост...

ОБУХОВА. Петя, ну хватит уже комментировать! Посмотри на маму свою!

Выдергивает пробку из тарелки с супом. Жидкость со свистом исчезает.

Петр оборачивается и смотрит на мать.

ПЕТР. Мама, что случилось?

ОБУХОВА (в порыве). Сынок!..

ПЕТР. Пожалуйста, стой там.

ОБУХОВА. Петенька, ты жив-здоров? Как ты, сынуленька?!

ПЕТР. Все в порядке. Не пиши мне, пожалуйста.

ОБУХОВА. Как?.. Петруша...

ПЕТР. Я прошу тебя. Ты пишешь все время на корпоративный адрес.

ОБУХОВА (сложив руки). Я буду писать на другой! Ты дома будешь читать!

ПЕТР. Нет! Я не бываю дома. Корпоративный адрес – мой единственный адрес.

ОБУХОВА. Что же делать?

ПЕТР. Ничего не делать. Недавно система внутренней безопасности проводила мониторинг входящей корреспонденции. Было обнаружено, что мой почтовый ящик заполнен личной перепиской. Меня вызвали к начальнику. Он сказал: успокойте мать или мы вас уничтожим. Хорошо, что я отделался вычетом трехсот бонусов.

ОБУХОВА (плачет). Сынок, милый, прости меня...

ПЕТР. Нет, убирайся.

ОБУХОВА (вытирает слезы). Это ты матери так?

ПЕТР. Убирайся, я сказал.

ОБУХОВА. Я тебе по жопе дам! А ну не хами!

ПЕТР (хрипит). Мама, включи скорее компьютер... Мама!.. Там написал... Тема

Лебедев... Он ждет моего комментария, мамочка... Мама...

Падает со стула, корчится в муках у ног Обуховой.

ОБУХОВА (строго). Вставай, Петя! Ты что обалдел на полу лежать, почки простудить хочешь?

ПЕТР. Мамочка... включи Интернет... я умираю... ты... убила меня... сволочь...

Умирает.

ОБУХОВА. Ну и долго ты собираешься так... Петя?.. (Склонившись к сыну.) Петенька?..

В глазах ее появляется ужас. Звучит похоронный марш.

В кулисе появляется Первый геймер.

ПЕРВЫЙ. Вы убили его...

ОБУХОВА (встает). Но как же я, мать, могла его...

ПЕРВЫЙ. Вы убили его, Ольга Владимировна. Вы отключили его сердце от Интернета.

ОБУХОВА. Я не знала... (Смотрит на сына.) Я убила своего ребеночка...

ПЕРВЫЙ. Вы убили ребенка двадцать первого века.

Из противоположной кулисы появляются Второй и Третий геймер. Они поднимают тело Петра Обухова и уносят его за кулисы.

Медленное затемнение.

Звучит музыка из игры «Mario».

Сцена освещается: на ней Николай Иванов. Он одет в синий комбинезон и кепку, под носом у него наклеенные усы.

Он перепрыгивает через трубу, убивает прыжком двух маленьких монстров; подпрыгивает и выбивает головой очки из знака вопроса, разбивает кирпичи (далее по сюжету одноименной игры).

Иванов встречается с двумя черепахами. Прыгает на одну сверху и она переворачивается, замирает. Вторую черепаху Иванов перепрыгивает и забирается на очередную трубу.

ЧЕРЕПАХА. Постой, не уходи.

ИВАНОВ (оглядывается). Я сошел с ума...

ЧЕРЕПАХА. Пожалуйста, вернись.

ИВАНОВ. Зачем?

ЧЕРЕПАХА. Убей меня (кивает), как и ее.

ИВАНОВ. Что?

ЧЕРЕПАХА. Убей меня, пожалуйста.

ИВАНОВ. Зачем? Ты, наверное, мой бред.

ЧЕРЕПАХА. Ты получишь дополнительные очки.

ИВАНОВ. Нет, спасибо. Вдруг ты укусишь меня.

ЧЕРЕПАХА. Не укушу, честное слово. Просто подойди и ударь меня по голове.

ИВАНОВ. Нет, я боюсь, я боюсь: может быть кровь.

ЧЕРЕПАХА. Нет, я просто перевернусь и замру. Только ты должен ударить очень сильно.

ИВАНОВ. Я не верю тебе. Почему ты хочешь умереть? Ведь это так страшно.

ЧЕРЕПАХА. Почему? Потому что ты пойдешь сейчас дальше, экран сдвинется вправо и все здесь погаснет: исчезнет земля, небо. Ничего не останется.

ИВАНОВ. А как это выглядит?

ЧЕРЕПАХА. Что?

ИВАНОВ. Когда ничего нет.

ЧЕРЕПАХА. Это очень печально.

ИВАНОВ. Но как это выглядит?

ЧЕРЕПАХА. Как будто ты лежишь в черной вате. Как будто ты елочная игрушка.

ИВАНОВ. Но это же хорошо. Можно поглубже спрятаться в этой вате, чтобы никто тебя не обидел. Там, наверное, очень тихо и нельзя найти на полу чужие волосы.

Пауза.

ЧЕРЕПАХА. Да.

ИВАНОВ. Что «да»?

Пауза.

ЧЕРЕПАХА. Ничего.

Пауза.

ИВАНОВ. Пойдем со мной к Путину: он избавит нас от смерти.

ЧЕРЕПАХА. Кто такой Путин?

ИВАНОВ. Путин – очень умный человек. Он может остановить смерть.

ЧЕРЕПАХА. Никто этого не может...

Пауза.

ИВАНОВ. Тогда он просто скажет нам что-нибудь. Что-нибудь мудрое.

ЧЕРЕПАХА. Хочешь, я скажу тебе что-нибудь мудрое?

ИВАНОВ (гневно). Замолчи.

ЧЕРЕПАХА (раздражает Иванова). Почему же ты веришь, что он может остановить смерть? Кто он такой?

ИВАНОВ. Император России.

ЧЕРЕПАХА. А что такое Россия?

ИВАНОВ. Ты не знаешь?

ЧЕРЕПАХА. Нет. Там есть бессмертие?

ИВАНОВ. Там бессмертен народ, а отдельные люди умирают.

ЧЕРЕПАХА. А ты кто?

ИВАНОВ. Судя по тому, как я себя чувствую, я – отдельный человек.

ЧЕРЕПАХА. А что тебе мешает стать народом?

ИВАНОВ. Я мало страдал.

Пауза.

ИВАНОВ. Пойдем со мной.

ЧЕРЕПАХА. Нет, спасибо. (Пауза.) Надеюсь, меня убьет следующий игрок. (Прячет голову в панцирь.)

Пауза.

Иванов смотрит на черепаху, осторожно к ней подходит: черепаха неподвижна.

Он поднимает с земли камень и взвешивает его в руке.

ИВАНОВ. Эй!

ЧЕРЕПАХА (из панциря). Что?

ИВАНОВ. Выгляни?

ЧЕРЕПАХА. Зачем?

ИВАНОВ. Я прочитаю тебе стихи.

ЧЕРЕПАХА. Стихи? О, я это люблю!

Она выглядывает из панциря, Иванов бьет ее по голове камнем.

ЧЕРЕПАХА (истекая кровью). Ну вот... Зачем?

ИВАНОВ (бросает камень, отступает). Ты сама... сама просила...

ЧЕРЕПАХА. Я не успела... приготовиться...

ИВАНОВ. Зачем? Смерть – это смерть.

ЧЕРЕПАХА. Я... испугалась...

Замирает.

Иванов смотрит на Черепаху, затем берет ее на руки. Идет дальше.

Иванов перепрыгивает через трубу, из которой время от времени вылезает зубастый цветок.

ГОЛОС ИЗ ЦВЕТКА. Постой...

ИВАНОВ. Кто здесь?

Из цветка появляется Владимир Путин.

ПУТИН. Ку-ку.

ИВАНОВ. Здравствуйте. Кто вы?

ПУТИН. Ну, ни хуя себе.

ИВАНОВ (замирает). Так это вы...

ПУТИН (дразнит). Так это я.

ИВАНОВ. Я... я не знаю...

ПУТИН. А ты думал, что это? Муди из цветка?

ИВАНОВ. Владимир Владимирович...

ПУТИН. Ну, какого хуя тебе надо, говори.

ИВАНОВ (торопливо). Хорошо, я сейчас... Просто я не успел приготовиться...

ПУТИН. Ты что, яйцо, чтобы тебе готовиться? Давай быстрее. (Смотрит вдаль.) А я пока буду наслаждаться восходом... (Рыгает в кулак.)

Иванов говорит с мертвой черепахой в руках.

ИВАНОВ (сначала тихо, затем громче). Владимир Владимирович, я хочу вам сообщить, что люди смертны. То есть ваши граждане, Владимир Владимирович, умирают. Это важное обстоятельство стоит обсудить с правительством на высшем уровне. Все ваши усилия, всё ваше желание сделать нам лучше наталкиваются на факт смерти. Как не впасть в отчаяния от этого открытия? Только вы, Владимир Владимирович, способны связать смерти крылья. Иначе она погубит все лучшие начинания, всех профессоров и академиков, рабочих и сельское хозяйство. Да что там! Она погубит весь народ! Конечно, пока одни умирают, из них появляются другие. Но это передергивание, эта спешка нехороша. Ведь вы работаете не для этой кишасшей массы, а для кого-то конкретно. Остановите смерть и ваши люди прекратят исчезать и подменяться. Я не умру, Владимир Владимирович. Обещаю вам это. И может быть когда-нибудь я увижу вас, но не как отражение в перископе, а лично... Это будет высшим счастьем для меня!

Пауза.

ИВАНОВ. Владимир Владимирович, мне было бы радостно узнать, что вы об этом думаете.

ПУТИН (буднично). Да иди ты на хуй.

ИВАНОВ. Что?

ПУТИН (устало). Как же ты меня заебал...

ИВАНОВ. Владимир Владимирович...

ПУТИН. Ты понимаешь, какая у меня большая и сложная жизнь?

ИВАНОВ (дрожит). Простите меня, пожалуйста...

ПУТИН. Я, блядь, премьер-министр, а не хуй на ножках? (Поднимает руки и кричит.) Всех убью!

Иванов отступает вместе с Черепахой.

ПУТИН. Всех убью и никого не оставлю!

ИВАНОВ (торопится). Владимир Владимирович, я ведь только хотел обратить ваше внимание, что...

ПУТИН. Закрой хлебрезку! Я все знаю! Все в стране знаю!

ИВАНОВ. Простите меня, простите!

ПУТИН (машет кулаками). Хватит писать мне!

ИВАНОВ. Про...

ПУТИН. Я не могу отыскать в почтовом ящике нужные сообщения! Один твой бред!

ИВАНОВ. Все. Больше никогда.

ПУТИН. Я жду от тебя последнего письма: где ты во всем признаешься.

ИВАНОВ. В чем?

ПУТИН. Уверен, что твоей целью было изменение Конституции.

ЧЕРЕПАХА (открывает глаза). Это было моей... моей целью...
ИВАНОВ. Нет, клянусь, что это не так! Она наговаривает на себя!

Черепаха поднимается, вытирает окровавленную голову.

ЧЕРЕПАХА. Это я, пизда, во всем виновата.

ПУТИН. Ну вот, это уже лучше.

ЧЕРЕПАХА. Это я, мокрощелка ебанутая, все развалила. Да сука я!

ПУТИН. Сука ты!

Выпрыгивает из цветка, бьет черепаху.

ЧЕРЕПАХА. Бейте меня!!

ПУТИН (Иванову). Чего стоишь! Пиздь эту жидовку в панцире!

Путин забивает Черепаху ногами.

ИВАНОВ. Что вы наделали? За что вы ее?

ПУТИН. Она была во всем виновата.

ИВАНОВ. Она просто взяла вину на себя.

ПУТИН. Правда, что ли? (Смотрит на мертвую черепаху.) Блядь, жалко. Нехорошо получилось... Может, йодом помазать? (Смотрит на Иванова.) Йод – хорошо от смерти.

Из глаз Иванова текут слезы.

ПУТИН. Ну, блин! Чего ты, а? Ньюни до питюни!

ИВАНОВ. Вы... ее убили...

ПУТИН. Сейчас начнется...

ИВАНОВ. Вы убили живое существо.

ПУТИН. Да она вела себя как дура.

ИВАНОВ. А если я скажу, что я виноват во всем?

ПУТИН (гневно). Так это ты виноват? А?!

ИВАНОВ. Нет. Но нельзя сразу бить и тем более убивать.

ПУТИН. Так вы оба не виноваты?

ИВАНОВ. Не виноваты.

ПУТИН. А кто тогда все испортил?! Кто все испортил в России?

Пауза.

ИВАНОВ. Ты.

Пауза.

ИВАНОВ (оскалившись). Ты, Путя, пошел на хуй! Пошел на хуй, Путька-пидорас!

Чтобы ты сдох, тварь ебанная! Твои дочери – шалавы, у солдат хуи сосут. Ты сам сосешь у черножопых в туалете на Курском вокзале. Ты тварь и поэтому, если я тебя увижу, то пну. И собаку твою отпизжу, если увижу, и жену, как собаку, отпизжу. На народ насрал, а сам сидит. Сидит с жопой. Хоть бы раз о народе вспомнил, о маленьких детях, забитых в подвалах, у которых рот заклеен изоляционной черной лентой. А в учреждениях что творится: ты хоть раз заглядывал? Я был на прошлой неделе, так вышла инспекторша и убила ножом посетителя. Любого убить могут, а в милиции еще изнасилуют. В метро на рельсы друг друга сбрасывают, а ты, хуесос, хоть бы муди растряс, хоть бы посмотрел, что в стране делается. Я тебя увижу, рыгну тебе за воротник. Чтоб ты сдох. Твой Николай. Забудь мое имя. Николай.

Замолкает, тяжело дышит.

ИВАНОВ. Ты – дьявол.

ПУТИН (хохочет). Ладно, не буду спорить – это я. Я действительно хочу все уничтожить! Это и есть мой план, план Путина.

ИВАНОВ. Но зачем тебе это, негодяй!

ПУТИН. Потому что я страстно ненавижу этот мир, эту вселенную, в которой меня заперли!

За спиной путина раскрывается два огромных черных крыла.

Рядом появляются два демонических существа: ужасный Дима Билан и ужасный Петр Обухов.

ПУТИН. Одной лапой я опираюсь на попсу и телевизор, другой на быдло и офисный планктон. С ними я непобедим. Они со мной вечны. Мы дарим друг другу бессмертие.

ИВАНОВ (отступая от страшного видения). Нет! Есть на свете Интернет! Я напишу про вас!..

ПУТИН. Не успеешь, дурачок...

Он выставляет вперед руку, как инопланетянин в фильме «Знаки» и распыляет перед собой струю ядовитого газа.

Иванов, задыхаясь, падает в обморок.

Затемнение.

Освещается левая кулиса. В ней стоит Саша Вайс. Она медленно идет по сцене.

Освещается центр сцены. Здесь лежит спящий Николай Иванов. Саша подходит к нему и склоняется.

Освещается права кулиса. Здесь стоит Путин с улыбкой любви и сострадания на лице.

ВАЙС. Владимир Владимирович... Вы... тоже слишком поздно... О, как жесток этот мир! Или не этот, а другой... (Кивнув на Николая.) Вы знали его?

Путин отрицательно качает головой.

ВАЙС. Он искал вас... Он любил вас... Он писал вам... Я очень прошу вас, заклинаю ответить Николаю Иванову! Если вы когда-нибудь любили, то знаете, каково это – ждать! Ведь вы любили, Владимир Владимирович? Ну да! Конечно! У вас есть супруга и дети! Я привыкла к тому, что вы одиноки, как Аллах... Поверьте, Николай прекрасен: да, он беден и немного странен, но он красив! Он стройный и высокий... Сейчас он лежит и этого не видно, но если он будет стоять зимой возле окна и ждать вас... Я вижу то место, где запотеет стекло. Матовый овал рядом с его губами – да, я вижу его... Но самого Николая не могу разглядеть, как будто его уже нет среди живых... (Смотрит на его лицо.) Ах, как он красив! Если подобрать ему хорошее пальто! Не «Лагерфельд», конечно, но какое-нибудь хорошее... Вообразите, что вы идете с ним, а он в хорошем пальто и волосы его зачесаны назад. Вы идете рука об руку по Кремлю. Останавливаетесь и говорите: «Смотри, Николай, это Кремль!» Ваш спутник отвечает тихой улыбкой. Дальше вы идете молча: зачем слова, когда вокруг Кремль? Разве он не все сказал? Разве он не сказал за всех нас: «Я люблю тебя...»?

Из левой кулисы появляется Обухова.

ОБУХОВА. Ой! Я опоздала, что ли?

Бежит к Саше, увидев Путина, останавливается.

ОБУХОВА. Путин! Владимир Владимирович, здравствуйте.

Путин благородно кивает в ответ.

ОБУХОВА (кивает на Николая). А с ним что?

ВАЙС. Я не знаю... Боюсь, что...

ОБУХОВА. Владимир Владимирович! Вы меня не знаете, я Ольга Владимировна Обухова. Я вас хочу попросить, чтобы вы ответили Николаю. Он так волнуется, что вы молчите. Пожалуйста, мы вас тут очень просим. Пожалуйста, пусть нам всем в России станет хуже, потому что вы отвлекетесь, но только ответьте Николаю Иванову. Мы-то ничего, мы и так едва ходим. Но он как таракан загнанный мечется, нервы килограммами теряет. Кто еще вас так любить будет во всей стране, если не он? Напишите ему, мол так и так, спасибо тебе за советы, за внимание, я все учел. Или пусть секретарша наберет, а вы подпишите. А Коля психованный, совсем без поддержки. Совсем ему, что ли, подышать? Вы не думайте, что мы денег на него просить будем. Просто письмо пошлите. Мы бы без вас обошлись, но откуда у нас печати и конверты гербованные? Мы, конечно, можем какой-нибудь штемпель из жилтоварищества поставить, но Коля ведь дотошный – разглядит. Или вы хотя бы бланки выдайте, а мы на них напишем ваш ответ. Скажите, когда и куда подъехать? Только завтра после обеда я не могу – меня свекровь просила ей шифоньер подвинуть. У нее туда кошка ходит, а

отучить уже нельзя - привыкла. Вы только на меня не обижайтесь, что я так прямо. И не мстите, пожалуйста. Придраться ко всему можно: мы коридор расширили, но у нас все документы есть по согласованию. Или... черт с ним с шифоньером – я и завтра могу приехать!

Путин кивает. Манит Обухову и Вайс пальцем.

ОБУХОВА (Саше). Пойдем, маленькая, мне одной как-то...

Подходят к Путину. Он, отступая, продолжает манить их пальцем. Все исчезают за кулисами. Шипящий звук: Путин выпрыснул еще одну ядовитую струю.

Иванов лежит на сцене. Шевелит рукой.

Рядом с ним появляются Петр Обухов (играет на флейте) и Дима Билан (играет на арфе). Оба одеты в белые туники.

Иванов, очнувшись, поднимается.

ИВАНОВ. Кто здесь?.. Билан? Это ты?.. А ты кто?.. Наверное, сын этой... И чего вам от меня нужно?.. Идите к своим этим... которые вас ищут...

Обухов и Билан продолжают самозабвенно музицировать.

ИВАНОВ. Ну чего вы разбренчались? Идите давайте. Ты Дима! А ну ответь, пока не умер! Думаешь, Пугачева тебе поможет? Да она на тебя плюнет и в щель забьется. Будешь ты лежать, а стул рядом стоит и на тебя смотрит. И всякий предмет в комнате – вплоть до скрепок в столе. Все будет молчать, пока ты будешь от слизи задыхаться. Скажет Бог: «Песен твоих я не слышал, а вот молит-вы, а вот Сашины крики – слышал я. Только не ко мне они были обращены, а к тебе. И что же ты, Дима Билан, сделал? А ничего? Ты трусы узкие надел и пошел фотографироваться, жопой крутить. Вот и пошел ты в жопу! – скажет Бог. – Чтобы я тебя не видел! В аду сгною, тварь, тебя! Ногтей полный рот насыплю! И волосы у тебя из глаз вырастут! Будешь ты как зеленый такой кружок прыгать и вертеться и думать, что это я за кружок такой, а сам в аду, в адском пламени. И вечность целую блевать и плакать будешь. Вот так вот, а ты думал, что «Евровидение» и в рай, а самого тебя в ад. Так что ответь Саше, пока не умер. Думаешь, я молодой еще успею. А может в тебе застаревшие болезни, бычий цепень в тебе живет и личинка твой мозг ест. Ночь заснул, личинка мозг съела, утром проснулся... не Дима Билан, а кукла с кишками и микрофоном. Опомнись, Дима, ответь Саше!

Пугает Диму Билана. Тот, бросив арфу, убегает.

ИВАНОВ (Обухову). А ты чего сидишь? Что такое тирамису знаешь? Ты знаешь, а? Знаешь? Это, итальянский десерт, а не говно. Там сыр маскарпоне, а вот ты матери не отвечаешь, сволочь. Ответь маме! Ответь! Почему молчишь?

Превратился в сухие кусочки насекомых? А? Или засох в GQ баре? А? А? А? (Поет чудовищным голосом.) Белая стрекоза любви! Стрекоза любви! Стрекоза любви!..

Петр обухов пугается и, бросив флейту, убегает.

ИВАНОВ. Вот, всех разогнал.

Идет к левой кулисе, из которой появляется ужасный Петр Обухов и надвигается на Иванова. Он бежит к правой кулисе. Из нее появляется ужасный Дима Билан. Иванов бросается к заднику. Здесь возникает наиболее ужасный шестирукий Путин, напоминающий гневное индуистское божество. В двух передних руках он держит тела Обуховой и Вайс. В задник – копыа, а в передних черепа, наполненные кровью, из которых он жадно пьет.

Они окружают Иванова.

Затемнение.

Тишина.

Сцена медленно освещается – это прежнее Интернет-кафе. Здесь за компьютерами сидят Обухов, Билан и Путин.

ПУТИН. Как вы думаете, есть во всем этом смысл?

ОБУХОВ. В том, что мы делаем?

ПУТИН. В том, что мы не делаем.

БИЛАН. Мне кажется, нам не нужно читать их писем.

ОБУХОВ. Почему?

БИЛАН. Так мы будем молчать по-настоящему.

ПУТИН. Но разве мы не делаем этого по-настоящему?

БИЛАН. Нет, потому что мы не молчим, а игнорируем.

ОБУХОВ. В таком случае, может быть, нам попросить его не показывать нам этих писем?

ПУТИН. Как вы думаете, зачем ему это вообще нужно?

БИЛАН. Трудно понять: такой симпатичный парень мог бы заниматься чем-нибудь другим.

ОБУХОВ. Он не парень. Это...

ПУТИН (отмахиваясь). Ну, знаете, я в это не верю.

БИЛАН. Мне тоже кажется, что он обычный чел...

ПУТИН. Если бы он действительно был кем-то другим, мы бы это почувствовали.

ОБУХОВ. А так... ничего кроме скуки...

Входит сисадмин, садится за компьютер.

ОБУХОВ (остальным). Давайте ему скажем...

БИЛАН. Давай...

ПУТИН. Говори только сам...

ОБУХОВ (кашляет). Дорогой...

ПУТИН (подсказывает). Уважаемый...

ОБУХОВ. Уважаемый системный администратор...
СИСАДМИН. Да?..
ОБУХОВ. Мы вот тут подумали, что, наверное, нам не стоит читать писем, которые нам пишут...
БИЛАН. Тогда мы будем молчать по-настоящему...
ПУТИН. И не волноваться...
СИСАДМИН. А вы волнуетесь?
ПУТИН. Немного.
БИЛАН. В динамиках раздается такой неприятный звук, когда приходит письмо.

Звучит резкий неприятный сигнал.

ОБУХОВ. Ну вот, снова.
ПУТИН (устало). Опять кому-то написали...
ГОЛОС ИВАНОВА. Путин запятая ответ восклицательный знак.
БИЛАН (взглянув на экран). Хе-хе, это тебе!

Два неприятных сигнала.

ГОЛОС ВАЙС. Дима запятая ответ восклицательный знак.
ОБУХОВА. Петя запятая ответ восклицательный знак.
ОБУХОВ (взглянув на экран). А это нам...
СИСАДМИН. Что ж, можете не читать...
ПУТИН (удивленно). Правда?
СИСАДМИН. Я похож на обманщика?
ВСЕ. Нет, нет, не похож.
СИСАДМИН. Ну вот, и не читайте.

Пауза.

ПУТИН. Зачем же мы тогда нужны?
ОБУХОВ. Раньше мы хотя бы ничего не делали, но читали...
БИЛАН. А сейчас мы просто... ничего не будем делать.
СИСАДМИН. Ну, можете им ответить, если хотите.
ПУТИН. Что?
БИЛАН. Как это – ответить?
ОБУХОВ. Но ведь мы не отвечаем.
СИСАДМИН. А почему?
ПУТИН. Ну, не знаю... Потому что мы, наверное, заняты.
ОБУХОВ. Чем?
БИЛАН. У нас ведь есть какие-то дела.
ОБУХОВ. Точно!
СИСАДМИН. Но на одно-то письмо вы можете ответить?
ПУТИН. Можем...
СИСАДМИН. Я ни на чем не настаиваю. Просто советуюсь с вами. (Взглянув на

часы.) Мне пора... (Встает.) Увидимся завтра. (Идет к выходу.)
БИЛАН. Счастливого пути!
ОБУХОВ. Удачной дороги!
ПУТИН. До завтра.

Сисадмин выходит.
Молчание. Путин, Билан и Обухов смотрят друг на друга.
Путин встает и ходит взад-вперед по Интернет-кафе.

ОБУХОВ. Неужели надо им что-то написать?
БИЛАН (поежившись). Мне так страшно...
ПУТИН. И мне... немного...
ОБУХОВ. Над ответом надо подумать...
БИЛАН. Да, не нужно торопиться.
ПУТИН (глядя на монитор сисадмина, читает). This is the mail system at host xxx. I'm sorry to have to inform you that your message could not be delivered to one or more recipients.

Билан и Обухов встают, подходят к нему.

БИЛАН (читает). It's attached below. For further assistance, please send mail to postmaster. If you do so, please include this problem report.
ОБУХОВ. You can delete your own text from the attached returned message. The mail system.

Пауза.

БИЛАН (идет к своему компьютеру). Перешлите мне, пожалуйста.
ОБУХОВ (идет обратно). И мне.
ПУТИН (щелкает по клавишам). Сначала себе...

Через некоторое время и он садится за компьютер.
Путину, Билану и Обухову начинают приходиться потоки писем, на которые они отвечают одинаково.
На экранах появляются люди, звучат их голоса. Все они просят об одном – об ответе.

КОНЕЦ.